

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МОДАЛЬНО- ОТВЕТНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.04.01 Педагогическое образование,
магистерская программа «Языковое образование»
заочной формы обучения, группы 02031654
Котеневой Людмилы Сергеевны

Научный руководитель
кандидат филологических наук,
доцент Левина Э.М

Рецензент
преподаватель МБУ ДО «Детская
школа искусств поселка Майский
Белгородского района
Белгородской области»
Стручалина Г.В.

БЕЛГОРОД 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Теоретические аспекты изучения функционирования модально-ответных предложений в художественном тексте	
1.1. Проблема членимых и нечленимых предложений.....	8
1.2. Категория модальности. Виды модальности. Понятие модально-ответного предложения.....	18
1.3. Специфика художественного текста, его образность.....	29
Глава 2. Анализ функционирования модально-ответных предложений в художественном тексте	
2.1. Классификация нечленимых предложений. Отличительные особенности модально-ответных предложений при их функционировании в художественном тексте.....	45
2.2. Коммуникативно-прагматический аспект модально-ответных предложений.....	56
2.3. Языковые средства выражения субъективной модальности в художественном тексте.....	68
Заключение.....	84
Список использованной литературы	88
Приложение	96

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется следующими факторами. Во-первых, недостаточной изученностью в современной лингвистике модально-ответных предложений. Модально-ответные предложения были зафиксированы как речевые явления и изучались в аспекте грамматической принадлежности, однако глубокого исследования семантическая, коммуникативная, прагматическая устроенность данных предложений не получила. Интерес к изучению модально-ответных предложений объясняется переходом от модели структурной лингвистики к «контекстуальной модели языка в действии» (А.Г. Баранов).

Во-вторых, развитием концепции речевых жанров (М.М. Бахтин), изучением литературно-художественного произведения как сложного речевого жанра, представляющего уникальную структуру, компонентами которой являются различные простые речевые жанры. С этой точки зрения модально-ответное предложение представляет простейший речевой жанр модальной оценки, который трансформируется в составе целого литературного произведения как сложного речевого жанра и выполняет различные текстовые функции. Возрастает интерес к анализу художественного текста как целостного структурно-смыслового речевого произведения с учетом всех уровней его организации (семантики, структуры, прагматики) и всех выполняемых им функций (семиотической, номинативной, коммуникативной, психологической, гносеологической, эстетической и др.), а также с учетом экстралингвистических параметров, существенных для его порождения и восприятия (творческая судьба автора, соотнесенность с реальностью, фоновые знания, культурный контекст): Л.Г. Бабенко, Н.С. Болотнова, И.Р. Гальперин, В.А. Кухаренко, Ю.М. Лотман, Л.М. Мурзин и др.

В-третьих, развитием изучения функционирования модально-ответных предложений в художественном тексте. Обращение к данной теме позволит

выявить значимость модально-ответных предложений и раскрыть их особенности.

В качестве материала для исследования функционирования модально-ответных предложений в художественном тексте были взяты примеры из произведений русских писателей 19-20 вв.

Объект исследования – модально-ответные предложения, их функционирование в художественном тексте.

Предмет исследования – функциональные возможности модально-ответных предложений при их изучении в художественном тексте.

Цель исследования – определить функциональные возможности модально-ответных предложений и особенности их изучения.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) изучить структуру членимых и нечленимых предложений;
- 2) раскрыть содержание категории модальности, определить виды модальности, понятие модально-ответного предложения;
- 3) рассмотреть специфику художественного текста в сфере функционирования модально-ответных предложений;
- 4) представить классификацию нечленимых предложений, определить отличительные особенности модально-ответных предложений в художественном тексте;
- 5) выявить коммуникативно-прагматический аспект модально-ответных предложений;
- 6) определить языковые средства выражения субъективной модальности в художественном тексте.

Методологической основой диссертационного исследования стали общефилософские принципы, обуславливающие представление о категории модальности как универсальной категории языка и обязательным конституирующим признаком любого высказывания; концепция модальности Шарля Балли, по мнению швейцарского ученого: «модальность – это душа предложения; как и мысль, она образуется в основном в результате активной операции говорящего субъекта, а также концепции В.З. Панфилова, В.В. Виноградова, В.Н. Мещерякова «о делении модальности по типам».

Теоретическую основу составили исследования как по общей теории модальности, так и по теории модальности текста (Л.Г. Барлас, М.М. Бахтина, А.В. Бондарко, В.В. Виноградова, О.Е. Вихрян, Н.С. Валгиной, И.Р. Гальперина В.В. Гиппиуса, И.П. Ильина, В.В. Кожина, Б.О. Кормана, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, М.В. Ляпон, В.А. Масловой, М.Г. Милутиной, Е. В. Падучевой, Е.А. Поповой, В.И. Тюпа и др.), посвященные текстовой модальности, проблеме соотношения понятий «автор», «образ автора», «авторская модальность».

Методы исследования. В первой главе нашей работы использовался преимущественно описательный метод, модально-ответные предложения раскрывались в смысловом, структурном и коммуникативных аспектах. **Во второй главе** нашего исследования для определения сущностных характеристик модально-ответных предложений применен метод лингвистического эксперимента, а также использовались методы теоретического анализа и синтеза, метод качественной обработки данных, метод сравнения, метод классификации, метод обобщения.

Гипотеза исследования: мы предполагаем, что модально-ответные предложения как суть разговорной речи при воспроизведении в речи художественной остаются идентичными сами себе и приобретают новые качества.

Научная новизна исследования обусловлена анализом функционирования модально-ответных предложений в несвойственном им языковом окружении – в художественной речи.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что представленный анализ нечленимого предложения расширяет и углубляет представление о подобного вида предложениях, представляет интерес для теории текста, так как расширяет знание о собственно текстовых категориях, имеет значение для синтаксиса художественного текста.

Практическая ценность диссертационного исследования заключается в анализе функционирования модально-ответных предложений в художественном тексте, раскрытии языковых средств их выражения.

Положения, выносимые на защиту:

1) Нечленимые предложения выступают в качестве одного из наиболее ярких средств эмоционально-экспрессивной экспликации коммуникативного смысла;

2) Предложения с модальными частицами интересны в том плане, что в них зафиксирован в действии процесс, который может быть условно обозначен как снятие четкой противопоставленности объективного и субъективного слоев смысла в предложении.

3) Художественный текст – это один из способов реализации модально-ответных предложений, они выступают репрезентаторами авторской точки зрения, являются прагматическими элементами.

4) Формами выражения модально-ответных предложений являются дополнительные синтаксические конструкции, не входящие в конструктивный состав предложения, но способные имплицировать его содержание.

5) Использование модально-ответных предложений в художественном тексте оправдывает введение нефактической информации, описание ментальных состояний, приписываемых живой и неживой природе, внутренних мотиваций и душевных состояний персонажей.

Апробация диссертации в докладе на Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие» (Белгород, 14 ноября 2018 года).

По теме диссертации опубликована 1 статья в научном журнале «Молодой ученый».

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, приложение, в котором сделан анализ программы по русскому языку к учебному комплексу для 5-9 классов В.В. Бабайцевой.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРИНЦИПОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОДАЛЬНО- ОТВЕТНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

1.1 Проблема членимых и нечленимых предложений

К одной из спорных, не решенных проблем синтаксиса относится вопрос о членимости и нечленимости предложений. В основе членимости предложения лежит возможность выделения в его структуре главных и второстепенных членов предложения как его структурно-семантических компонентов.

Синтаксически членимые предложения – это предложения, в которых можно выделить один, два и более членов предложения. Они употребляются как в письменной, так и в устной речи и являются абсолютно господствующими среди простых предложений, например: *«Здесь не слышно шума и грохота. Тихо»* (В. Короленко, «Мгновение»). Оба простые предложения являются синтаксически членимыми. В первом можно выделить главный член не слышно и второстепенные здесь, шума, грохота. Во втором выделяется один главный член предложения – тихо [Белошапкина 2007: 68].

Как считает В.В. Виноградов, в членимых предложениях выделяются либо субъект и предикат, соотносимые с подлежащим и сказуемым в двусоставном предложении, либо только предикат, соотносимый с главным членом односоставного предложения. Например: *«Осенний лес как волшебная сказка! Восхитительно!»* [Виноградов 1975: 59].

По мнению В.В. Бабайцевой, среди членимых простых предложений по наличию главных членов различают двусоставные и односоставные. В двусоставных предложениях грамматическая (предикативная) основа состоит из обоих главных членов – подлежащего и сказуемого, в односоставных – только из одного.

Двусоставным и односоставным членимым предложениям противопоставляется особый структурно-семантический тип нечленимых предложений, характеризующийся устойчивостью, воспроизводимостью, целостностью, неспособностью к распространению, привязанностью к контексту. Например: *«Да. Разумеется. Нет. Едва ли. Неужели? Ого! Вот те раз! Надо же! То-то! Да ну? Вот это да! Ура! Ну полно! Спасибо. До свидания»* [Бабайцева 2007: 112].

Подобные единицы лишены грамматической формы; в них не выделяются члены предложения – ни главные, ни второстепенные. У слов, образующих нечленимые предложения, отсутствует номинативное значение, они выражают лишь отношение говорящего к адресату или к сообщаемой информации. Это не позволяет лексическим единицам выступать в качестве членов предложения. Нечленимые предложения также противопоставлены членимым по ряду признаков: логическому, структурному, семантическому и грамматическому. Такие предложения употребляются главным образом в устной разговорной речи. Каждое предложение состоит из одной или нескольких предикативных единиц [Валгина 2000: 217].

В нечленимых предложениях нет членимости на члены предложения. Поэтому они не характеризуются по составу, структурному типу (наличию структурной схемы), распространенности/нераспространенности и т.д. Например: *«Ах! Да-да»!* Традиционным является рассмотрение нечленимых предложений в качестве эквивалентов предложения. Структурно-семантический подход представлен в трудах В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведовой, П.А. Леканта [Лекант 1986: 95].

В.В. Бабайцева в монографии «Явления переходности в грамматике русского языка» представила типологию простого предложения, отразившую специфику взаимодействия разных типов двусоставных, односоставных и нечленимых предложений в единой системе [Бабайцева 2009: 212]. Вплотную теорией нечленимого предложения занимается В.Ю. Меликян,

разработавший классификацию нечленимых конструкций как фразеосинтаксических единиц [Меликян 2001: 83].

Как считает Е.С. Скобликова, основной функцией нечленимых предложений в языке является экспрессивно-оценочная, так как такие подобные конструкции обладают высокой степенью эмоциональности, экспрессивности. Ввиду отвлечённости семантики, структурной нерасчленённости, зависимости от контекста данный тип предложений часто исключается из семантико-синтаксической парадигмы предложения и рассматривается за её пределами в качестве «Эквивалентов предложений», «Слов-предложений», «Неграмматических предложений», «Междометных предложений», «Коммуникем», «Монорем» и т. д. [Скобликова 1979: 277].

По мнению В.В. Виноградова, морфологическую основу нечленимых предложений как особых неполных, лишенных компонентов конструктивного состава составляют модально-междометные слова и вокативы дополнительные синтаксические конструкции, занимающие формально изолированный статус в предложении (вводные компоненты, междометия и обращения). Любое полнозначное слово конструктивной базы предложения формирует другой, отличный от нечленимого тип неполного предложения [Виноградов 1975: 114].

Одной из центральных проблем при рассмотрении нечленимых предложений является проблема типологии простого предложения. Общепринятыми были и остаются классификации по количеству и составу главных членов, по наличию/отсутствию второстепенных, по полноте реализации структурных схем, по наличию осложнения, по характеру предикативных отношений, по эмоциональной окраске. Согласно этим классификациям выделяются членимые и нечленимые предложения. Данная типология основана на логико-синтаксическом подходе. При применении же функционального принципа классификации предложений, необходимо вести речь о членимости/нечленимости выражаемой мысли. Выделяемые данной типологией типы и разновидности предложений невозможно представить в

виде автономных областей: они возникают, развиваются и существуют при постоянном взаимодействии, образуя многочисленные смешанные зоны, которые включают синкретичные построения, совмещающие свойства полярных типов. Они отражают взаимодействие синтаксических конструкций и являются важнейшим системообразующим фактором [Арутюнова 1976: 238].

Мы следуем классификации В.В. Бабайцевой, которая отмечает, что двусоставные, односоставные и нечленимые предложения не раз были предметом специальных исследований. Ответ на вопрос о критерии выделения основных структурно-семантических типов простого предложения связан с характером членимости мысли, выражаемой в простом предложении. Основной массив предложений, входящих в зону синкретизма, создаваемую оппозицией «Двусоставные – нечленимые предложения», образуют двусоставные по структуре предложения, представляющие собой фразеологизированные конструкции с разной степенью логико-семантической и синтаксической членимости. На периферии двусоставных предложений находятся предложения, часть которых (чаще всего сказуемое) выражена фразеологизмом: *«И когда говоришь: «За что ж боролись?» – то служащие, какие пороку не нюхали, над этим словом надсмехаются, а за ними строит хаханьки всякая белая сволочь! Нет, ты нам зубы не лечи!»* (М.А. Шолохов, «Поднятая целина»). *«Сначала русская Сафо, потом русский Рембо – и оба наложили на себя руки, покорные вашей воле»* (Б. Акунин, «Любовница смерти») [Бабайцева 1999: 316].

К периферии относятся нечленимые пословицы и поговорки, в состав которых входят второстепенные члены, нарушающие логико-семантическую и синтаксическую цельность фразеологизированных построений: *«– Ага! – промолвил Базаров. – У твоего отца, видно, губа не дура»* (И.С. Тургенев, «Отцы и дети»). Сюда же можно отнести риторические вопросы, в которых сохраняются основные компоненты вопроса с вариациями местоимения, ориентированного на реальное лицо. Такие предложения не требуют ответа,

их можно заменить предложением: *«Никто не знает: Найдется! И у тебя небось осталось? – **Кто его знает...**»* (М.А. Шолохов, «Поднятая целина»).

Предложения, в которых отчетливо видна схема двусоставного предложения: позиции подлежащего, сказуемого, прямого дополнения, наиболее постоянным компонентом имеют глагольную словоформу знает, а две остальные позиции могут заполняться разными словами, среди которых чаще других употребляется в позиции подлежащего слово чёрт, а в позиции прямого дополнения – словоформа его, которая может быть и опущена, так как не имеет или почти не имеет указательно-заместительного значения: *«А на воротнике? – **Черт их знает.** Это не мой костюм»* (А. Гайдар, «Школа»). В позиции подлежащего могут быть также слова: бог, дьявол, шут и др. Выбор слова обусловлен стилистическими причинами: *«Кого ищут-то? – **А пес их знает**»* (А. Гайдар, «Школа»). *«**Бог знает,** что вы говорите»* (А.П. Чехов, «Мыслитель»). *«Кого ты подозреваешь, Андрей? – Размётнов поднял плечи и медленно развёл руками. – **Чума его знает!**»* (М.А. Шолохов, «Поднятая целина»).

Таким образом, бесспорно то, что рассматриваемые примеры неоднозначны по характеру логико-семантической и синтаксической членимости. В пересекающихся классах односоставных и нечленимых предложений тоже существуют переходные явления, свидетельствующие о разной степени логико-семантической и синтаксической членимости. Зону синкретизма в оппозиции «односоставные – нечленимые предложения» занимают предложения, представляющие собой односоставные междометные предложения с второстепенными членами: *«**Спасибо вам,** милый Гэндзи, –мысленно попрощалась с ним Коломбина...»* (Б. Акунин, «Любовница смерти»). *«**Сюда письмо!** – рыкнул генерал. – **И коменданта сюда!**»* (Б. Акунин, «Турецкий гамбит»). *«**Марш отсюда!** – гаркнул Лагранж»* (Б. Акунин, «Пелагия и белый бульдог»). *«**Пусть ее,** – сказал Фандорин, глядя вслед резвой барышне с веселым недоумением»* (Б. Акунин, «Пиковый валет»).

Односоставные междометные предложения различаются степенью синтаксической членимости. Это зависит от того, насколько сохраняется связь междометных слов с омонимичными знаменательными словами, а также от наличия/отсутствия второстепенных членов предложения. Трудно дать синтаксическую квалификацию главного члена этих разновидностей, но очевидна синтаксическая функция их распространителей. Наличие второстепенных членов предложения свидетельствует о синтаксической членимости рассматриваемых предложений [Глебова 2010: 53].

Существуют построенные по моделям односоставных нечленимые предложения, в которых отсутствуют прямые синтаксические связи: *«Ничуть не бывало. Держи карман шире»* (М.М. Зощенко, «Забавное приключение»). *«Ну, конечно! Я уж по твоим глазам вижу, что сердце на меня остыло. – Будет тебе, балабон!»* (М.А. Шолохов, «Поднятая целина»). *«Ну, привёз, а руководствовать ею никто не может. Да и на что она им? И смех и грех»* (М.А. Шолохов, «Поднятая целина»). *«Большов. Ну, Луна! Вот тебе жених! Прошу любить да жаловать!»* (А.Н. Островский, «Свои люди – сочтемся»). *«Подхалюзин. Так-с! Скажите пожалуйста!»* (А.Н. Островский, «Свои люди – сочтемся») [Ильенко 2009: 126].

Основной сферой употребления нечленимых предложений является диалогическая речь с ее стремлением наиболее ярко, точно и лаконично выразить мысль и эмоцию, ее сопровождающую. На периферии нечленимых предложений находятся многочисленные диалогические реплики, образовавшиеся на базе глагольных и именных полных конструкций и не утратившие ещё связей с ними. К их числу относятся диалогические реплики, выражающие эмоциональную, поощрительную или иную реакцию на полученное сообщение: *«Ладно уж, говорит, берите меня, старого опытного спеца. Ваше счастье»* (М. Зощенко, «Кругом 16»). *«У тебя и спрашивать не будут. – Это как же? – Да так же. – Ловко! – Ну ещё бы! Теперь я у тебя спрошу: дальше можно так жить? – Некуда дальше»* (М.А. Шолохов, «Поднятая целина»). *«Эка, дурило ты! Жалко стало, что*

выселяют кулацкие семьи? **Подумаешь!**» (М.А. Шолохов, «Поднятая целина») [Меликян 2001: 80].

В связи с этим нельзя не отметить возможное сходство нечленимых конструкций с неполными предложениями, функционирующими также в жанре диалога и представляющими собой редуцированную реализацию полного предложения, легко восстанавливаемого из контекста. Например: «*А тебе не жалко ножа? Не горюешь, что променялся? – **Ни капельки!** – решительно ответил Давыдов*» (М.А. Шолохов, «Поднятая целина»). Ответная реплика «*Ни капельки*» представляет собой предложение с синкретичной семантикой, его эквивалентами являются полное односоставное предложение Мне не жалко ножа ни капельки и нечленимое слово-предложение «*Нет/Совсем нет*». К ближней периферии относятся высказывания, принадлежащие сфере социального этикета (приветствия, прощания, пожелания, знаки благодарности, извинения): «*Здравствуйте, граждане! Где тут конюшня? – **Доброго здоровья,** – за всех ответил пожилой казак...*» (М.А. Шолохов, «Поднятая целина»). «*Лорд. **Гуд бай!** Сизи. **Пока***» (М. Булгаков, «Багровый остров»). Ядро поля нечленимых предложений составляют единицы, не допускающие членения даже потенциально. Прежде всего эта область представлена междометиями: «*Эвона! Чудно, брат! – дико посмотрел Ракитин*» (Ф.М. Достоевский, «Братья Карамазовы»). «***Ба!** Да и в самом деле! – закричал удивившийся Кох*» (Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание»). «*С ночи до ночи держись за чапиги – и десятин двенадцать до зимы подымешь. – **Хо!** Двенадцать?*» (М.А. Шолохов, «Поднятая целина»). «*Нет, буду шуметь! А кулак Фрол Рваный, за...его душу!.. – **Но-но!** – Нагульнов застучал кулаком*» (М.А. Шолохов, «Поднятая целина»). «*Будьте свидетелями на оскорбление! – **Тю!** Слухать не даёшь, цыц!*» (М.А. Шолохов, «Поднятая целина»).

Ядерными в функционально-семантическом поле нечленимых предложений являются слова-предложения «*Да*» и «*Нет*», представляющие собой элементарные формы утверждения/подтверждения и отрицания:

«Зайдешь, что ли? – **Нет**» (Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание») [Ваулина 2008: 156].

Как считает Л.И. Величко, путем прибавления частиц, местоимений и пр. расширяется семантика подобных предложений, они обогащаются новыми оттенками смысла, повышающими или понижающими степень утверждения/отрицания, выражающими эмоциональное отношение говорящего к элементам речевой ситуации: «Яков Лукич-то? – **Ну да**» (М.А. Шолохов, «Поднятая целина»). «Что, ужасно? – упавшим голосом спросила она. – **Вовсе нет**, – поспешил уверить ее Маклафин» (Б. Акунин, «Турецкий гамбит»). «**Ну уж нет!** – в один голос вскричали и Варя, и Фандорин» (Б. Акунин, «Турецкий гамбит»). По мере отступления от ядра к периферии появляются модальные слова-предложения, включающие значения уверенности или предположительности: «– Соскучилась? – спросила она, взглянув на дочь. – **Конечно!**» (А.П. Чехов, «Ненастье»). «– А я к вам, – сказал Лаптев. – Иду потолковать с вашим батюшкой. Он дома? – **Вероятно**, – ответила она» (А.П. Чехов, «Три года»). «– Недели через две поеду за границу. Поезжай и ты... – **Хорошо, пожалуй**, – решил Обломов» (И.А. Гончаров, «Обломов»). «Ну вот, а вы говорите от Анисия помощь, – махнул рукой Фрол Григорьевич. – Пишк получил. – **Отнюдь**. – Эраст Петрович снова сунулся было за четками и досадливо поморщился» (Б.Акунин, «Пиковый валет»). Выражение согласия/несогласия дополняется эмоционально-экспрессивными оттенками: «– Любуется морем? – **Ещё бы!** – ответил Лавров» (К.Г. Паустовский, «Бег времени») [Величко 2000: 75].

Л.С. Ермолаева считает, что оппозиции «Двусоставные – нечленимые» и «Односоставные – нечленимые» во многих случаях обусловлены фразеологизацией высказываний, причём характер их логико-семантической и синтаксической членимости зависит от степени фразеологизации, которая нередко объясняется прежде всего употребительностью высказываний и ослаблением лексической значимости слова [Ермолаева 1963: 22].

Так, одним из слов, входящих в предложения разной структуры и семантики, с разной степенью членимости, является слово **чёрт** (бес, дьявол): *«**Чёрт** знает! Ещё подумает, что я подсматривал.»*; *«**Э, чёрт тебя!** Анархист кривобокий!»*; *«**В** вопросах быта я с тобой не согласен. **Ну, да чёрт с тобой!**»* (М.А. Шолохов, «Поднятая целина»). *«**Красный** собьёт. – **Как-то ни чёрт!**»* (М.А. Шолохов, «Судьба человека»). *«**Что за чёрт!** – подумал он, вставая, опять принимаясь ходить по комнате и стараясь не смотреть на постель за ширмой»* (И.А. Бунин, «Солнечный удар»). *«**Улики, что ль, какие? – Кой чёрт улики!**»* (Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание»). Не менее распространено слово «**бог**» (господь, Христос): *«**Прощайте, родимые! Дай бог вам на здоровье...**»*; *«**Подай-то господи!** Уподобь, святой Егорий Победоносец!»*; *«**Что ты, Никита! Христос с тобой!**»*; *«**Стелешь всем? – Да что, ей богу!**»*; *«**Как же ты без заданий будешь работать? Как бог на душу положит? Я от чапиг не буду рук отымать, а ты на припёке будешь спину греть, а получать за это будем одинаково? Здорово живёшь, Яков Лукич! – Слава богу, Кондрат Христофорович!**»* (М.А. Шолохов, «Поднятая целина»). *«**В Суходоле вы ссорились? – Борони бог!**»* (И.А. Бунин, «Суходол»).

Таким образом, мы рассмотрели основные типы нечленимых предложений, функционирующих в составе системы простого предложения. Нечленимые предложения выступают в качестве одного из наиболее ярких средств эмоционально-экспрессивной экспликации коммуникативного смысла. Изучение семантики, прагматики и синтаксиса нечленимых предложений представляет широкие перспективы для дальнейшего исследования.

По мнению Г.И. Кустовой, вопрос об отношении суждения в членимых и нечленимых предложениях – один из наиболее сложных и вместе с тем, пожалуй, наименее исследованных. Предложение, в котором нечто высказывается о чем-то, есть грамматическое выражение суждения. Последнее первоначально является живым актом

мышления, который во всяком случае предполагает, что у лица, совершающего и высказывающего акт суждения, имеются во время этого процесса два различных представления – представление субъекта и предиката. Внешним образом представления эти могут прежде всего различаться так: субъект есть то, о чем нечто высказывается; предикат есть то, что высказывается [Кустова 2005: 92].

А.М. Пешковский также считает, что в суждениях отражен ментальный процесс. Частицы как знаки авторской квалификативной мысли являются интеграторами мыслительного процесса на речевом уровне, то есть фактически – знаками и мыслительного, и языково-речевого процессов, знаками суждения субъекта на коммуникативном уровне [Пешковский 2001: 410].

Мыслительный процесс субъекта, отраженных в нечленимых ответных предложениях, образуемых частицами, темпорально локализован, осуществляется совместно с модально-оценочной квалификацией события говорящим. Выполнение частицами ответной функции в речевом нечленимом предложении предполагает фиксацию данными модальными квалификаторами так называемого имплицитного (или синтетического) суждения. Такие суждения подразумевают невыраженность языковыми способами облигаторных логических компонентов – предмета и/или предиката.

По мнению А.Б. Шапиро, одним из главных свойств суждений является модальность. Понятие модальности, как известно, пришло в лингвистику из логики. Модальность в логике трактуется как необходимая характеристика и важнейшее свойство суждения, так как определяет содержание суждения в плане характера отношения между предметом и признаком, степени связи субъекта суждения с его предикатом. Вместе с тем, в современной логике отмечается отсутствие единства в толковании сущности модальности суждения. Согласно одной из трактовок сущности модальности суждения по А.Б. Шапиро «...В результате акцентирования субъективной оценки связи

субъекта суждения с предикатом под модальностью понимается степень достоверности, с точки зрения говорящего, той мысли, которая выражается в предложении». Согласно этой точки зрения, выделяют два основных вида суждений по модальности: вероятные и достоверные. Достоверные суждения, в свою очередь, подразделяются на суждения действительности и суждения необходимости [Шапиро 1958: 23].

Согласно другой точки зрения, которая восходит еще к Аристотелю, «...Всякое суждение есть суждение о том, что возможно присуще, или о том, что необходимо присуще отношениям между объектами или явлениями действительности». Суждения, согласно Аристотелю, соединением субъекта и предиката выражают три вида модальности: возможность, необходимость, действительность [Виноградов 1975: 112].

И. Кант также выделял три типа суждений: проблематические (модальность сопровождается сознанием лишь возможности), аподиктические (модальность сопровождается сознанием необходимости суждения), ассерторические (модальность сопровождается сознанием действительности) [Золотова 1962: 69].

Модальность как понятийная категория представлена и в словаре лингвистических терминов, и в научных трудах ряда известных отечественных и зарубежных лингвистов. Одни лингвисты определяют модальность как «Явление логико-грамматического уровня», другие представляют модальность как «Функционально-семантическую категорию».

Таким образом, модальность понимается как категория, отражающая действительность, взятую со стороны существования реальных объектов и явлений.

1.2 Категория модальности. Виды модальности. Понятие модально-ответного предложения

Антропоцентрическая направленность современных лингвистических исследований привела специалистов к активному изучению категории модальности, модально-ответных предложений в художественном тексте. Это связано с недостаточным познанием, раскрытием в современной лингвистике данных терминов. Традиционная трактовка модальности развивалась под влиянием идей классической логики, связывающей различные модальные значения с выделяемыми в логике типами суждений. Это привело к ограничению диапазона модальности рамками суждения и форм её выражения глагольным наклонением [Постовалова 1999: 26].

В.З. Панфилов, рассматривая категорию модальности на уровне предложения в тесной связи с анализом логической категории модальности и суждения, выделяет два типа модальных значений: объективную модальность и субъективную модальность, при этом объективная модальность «...Отражает характер объективных связей, наличных в той или иной ситуации, на которую направлен познавательный акт, а именно, связи возможные, действительные и необходимые». Субъективная модальность «...Выражает оценку со стороны говорящего степени познанности этих связей, то есть она указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию» [Панфилов 1977: 123].

Л.С. Ермолаева различает две основные модальности – «внутреннюю» и «внешнюю». Под внутренней модальностью понимается отношение субъекта действия к совершаемому им действию; под внешней – отношение содержания предложения к действительности в плане реальности – нереальности и степень уверенности говорящего в сообщаемых им фактах [Ермолаева 1963: 19].

В связи с вопросом о модальном значении нельзя не остановиться на определении категории модальности В.В. Виноградовым, поскольку оно

оказало большое влияние на отношение многих советских лингвистов к категории модальности. В своей статье «О категории модальности и модальных словах в русском языке», опубликованной в 1950 г., он подверг критике Ф. Брюно за то, что он не отличает экспрессивных форм высказываний от категории модальности и «...Вслед за анализом способов выражения таких модальных оттенков, как возможность, уверенность, очевидность, сомнение, неправдоподобие или невероятность и т.п., тут же рассматривает синтаксические и лексические формы выражения таких «модальностей чувства» как ожидание, надежда, беспокойство, боязнь, изумление, согласие, одобрение, удовлетворение, без различие, отказ, неудовольствие и т. п.» В.В. Виноградов указал на необходимость «...Проводить принципиальную четкую грань между разными эмоциональными формами реакций на действительность и модальной оценкой отношения высказывания к действительности», допуская при этом, что обе сферы речевых явлений находятся между собой в тесном взаимодействии.

Однако в этой же статье В.В. Виноградов в значительной степени расширил понятие модальности за счет включения слов и сочетаний слов эмоционально-экспрессивного характера в число средств, передающих модальные значения. Это можно видеть в формулировке В. В. Виноградовым того, что следует относить к категории модальности: «...Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложений и выражающих одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» [Виноградов 1975: 137].

В западноевропейской лингвистике наибольшее распространение получила концепция модальности Ш. Балли. По его мнению, в любом высказывании можно выделить основное содержание (диктум) и его модальную часть (модус), в которой выражается интеллектуальное,

эмоциональное или волевое суждение говорящего в отношении диктума. Модусы разделяются им на эксплицитные и имплицитные, при этом основной формой выражения эксплицитного модуса является главное предложение в составе сложноподчиненного с придаточным дополнительным. Модальность Ш. Балли трактуется как «...Синтаксическая категория, в выражении которой первостепенную роль играют модальные глаголы» [Балли 1955: 312].

В лингвистике наметилась тенденция к расширительному толкованию категории модальности, что привело к тому, что модальность как языковая категория стала терять определённую своих границ и превратилась во всеобъемлющую категорию. Часто она рассматривается как чисто реляционная структура, связывающая субъект и его бытийный признак.

Обращение к категории логики сказалось продуктивным для лингвистической трактовки категории модальности, позволило систематизировать разнообразные модальные значения, выражаемые языковыми формами, выявить их универсально-понятийную основу и связать их с более общими категориями действительности и познания [Беяева 1985: 92].

По мнению В.З. Панфилова, модальность является универсальной категорией языка и обязательным конституирующим признаком любого высказывания. Каждое высказывание имеет пропозициональное содержание, в основе которого лежит акт предикации, т.е. соотнесения предмета мысли и его признака через утверждение или отрицание связи между ними, что в языке выражается категорией предикативности. Модальность является одним из способов актуализации пропозиции наряду с другими категориями, такими как время, лицо, вид и др. [Панфилов 1977: 118].

Модальность несомненно относится к разряду категорий, выражающих оценку говорящим отношения высказывания к действительности, средствами оценки – языковые единицы, принадлежащие к различным уровням языка: морфологическому, лексическому, лексико-грамматическому,

синтаксическому, просодическому, а также комбинации этих средств [Ваулина 1993: 57].

Учитывая сложность плана содержания и разноуровневость плана выражения, наиболее адекватной моделью описания категории модальности может стать функционально-семантическая. Она основана на представлении о языке как о системе подсистем, служащей инструментом мысли и коммуникации. Методологическим преимуществом этого подхода к описанию языка является установка на изучение диалектического взаимодействия как единиц одной подсистемы, так и самих подсистем [Вольф 1988: 89].

М.В. Зайнуллин считает, что модальность относится к разряду субъективно-объективных категорий, ибо представляет собой систему языковых средств выражения оценки отношений и связей объективной действительности с точки зрения их характера, степени познаваемости или желательности говорящим и тем самым объективирует способы выражения этой оценки любым говорящим субъектом в каждом конкретном речевом акте. Субъективность модальной оценки действительности говорящим в речевом акте ограничена как объективно существующими отношениями, так и языковым набором типизированных средств выражения [Зайнуллин 2000: 126].

По словам Г.Ф. Мусаевой, категория модальности дифференцируется на два вида: объективную и субъективную. Объективная модальность является обязательным признаком любого высказывания, одной из категорий, формирующих предикативную единицу – предложение. Данный вид модальности выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности (осуществленности или осуществимости). Объективная модальность органически связана с категорией времени и дифференцирована по признаку временной определенности – неопределенности. Значение времени и реальности – ирреальности слиты воедино; комплекс этих значений называется объективно-модальными значениями. Главным

средством оформления такой модальности является категория глагольного наклонения, а также синтаксические частицы в некоторых случаях – грамматически значимый порядок расположения главных членов предложения. В конкретном высказывании эти средства обязательно вступают во взаимодействие с той или иной интонационной конструкцией. Все это находит выражение в синтаксисе в формах синтаксического изъявительного наклонения (индикатива) и в формах синтаксических ирреальных наклонений (сослагательного, условного, желательного, побудительного, долженствовательного). Объективная модальность также органически связана с категорией времени. Однако следует различать наклонение и время как глагольные и синтаксические категории [Мусаева 2001: 84].

Поскольку во многих языках широко представлены не только глагольные, но и безглагольные предложения, глагол с его морфологическими категориями не может быть признан единственным носителем этих значений в предложении: он является весьма важным средством, но все же одним из средств их формирования и выражения – наряду с упомянутыми выше другими грамматическими средствами. В морфологических формах глагола значения наклонения (и времени) сконцентрированы и абстрагированы, и это дает основание представлять их как значения собственно глагола во всей системе его форм. Морфологические значения времени и наклонения глагола вступают во взаимодействие с другими средствами выражения одноименных синтаксических значений. Глагол со своими значениями времени и наклонения входит в предложение в более широкую систему средств формирования синтаксических времен и наклонений и взаимодействует с этими синтаксическими средствами в единой системе выражения синтаксических значений [Немец 2004: 156].

По А.А. Шахматову, субъективная модальность, то есть выражение отношения говорящего к сообщаемому, в отличие от объективной

модальности, является факультативным признаком высказывания. Семантический объем субъективной модальности шире семантического объема модальности объективной. Субъективная лингвистическая модальность включает в себя не только логическую квалификацию сообщаемого, но и разные лексико-грамматические способы выражения эмоциональной реакции.

Это могут быть:

- 1) члены специального лексико-грамматического класса слов, а также функционально близкие к ним словосочетания и предложения; эти члены, как правило, функционируют в качестве вводных единиц;
- 2) специальные модальные частицы для выражения неуверенности, предположения, недоверия, удивления, опасения и т. д.;
- 3) междометия;
- 4) специальная интонация для акцентирования удивления, сомнения, уверенности, недоверия, протеста, иронии и проч.;
- 5) порядок слов, эмфатические конструкции;
- 6) специальные конструкции;
- 7) единицы экспрессивной лексики.

Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции. К оценочно-характеризующим значениям относятся значения, совмещающие в себе выражение субъективного отношения к сообщаемому с такой его характеристикой, которая может считаться не субъективной, вытекающей из самого факта, события, из его качеств, свойств, из характера его протекания во времени или из его связей и отношений с другими фактами и событиями [Шахматов 1941: 273].

К сфере модальности относят:

- противопоставление высказываний по характеру их коммуникативной установки;
- градации значений в диапазоне «реальность – ирреальность»;
- разную степень уверенности говорящего в достоверности формирующейся у него мысли о действительности;
- различные видоизменения связи между подлежащим и сказуемым [Шведова 1960: 112].

Г.А. Золотова разграничивает три основных модальных плана:

- отношение высказывания к действительности с точки зрения говорящего;
- отношение говорящего к содержанию высказывания;
- отношение субъекта действия к действию.

При этом она поясняет: «...В работах последних лет, посвященных вопросам модальности, встречаются термины объективная модальность и субъективная модальность». Предлагая пользоваться именно этими понятиями, Г.А. Золотова определяет отношение в первой формулировке как объективную модальность, а во второй – как субъективную. Вместе с тем, третий модальный аспект (отношение между субъектом и действием) не имеет значения для модальной характеристики предложения. Справедливыми, на наш взгляд, являются ее выводы о том, что:

- а) основное модальное значение, или объективная модальность есть необходимый конструктивный признак каждого предложения, субъективная модальность – признак необязательный, факультативный;
- б) субъективная модальность, не меняя основного модального значения предложения, преподносит это значение в особом освещении [Золотова 1962: 72].

Как отмечает Л.С. Ермолаева, в русском языке существуют специализированные средства для выражения модальности – модальные слова, у которых модальность выражается в их семантике и в их особом грамматическом статусе. Модальные слова – это выделившиеся в

самостоятельную часть речи неизменяемые слова, обозначающие отношения всего высказывания или отдельной его части к реальности с точки зрения говорящего, грамматически не связанные с другими словами в предложении, и выделяющиеся интонационно [Ермолаева 1963: 21]:

*«Который час? Темно. **Наверно**, третий.*

*Опять мне, **видно**, глаз сомкнуть не суждено.*

Пастух в поселке щелкнет плетью на рассвете.

Потянет холодом в окно,

Которое во двор обращено.

А я один,

***Неправда**, ты*

Всей белизны своей сквозной волной

Со мной» (Б. Пастернак, «Бессонница»).

По мнению Д.А. Парамонова, в предложении модальные слова выступают в качестве синтаксически изолированных единиц – вводных слов или словосочетаний: *«**Безусловно**, он не был вполне нормален в эту минуту»;* *"**Быть может**, я тебе не нужен, Ночь, из пучины мировой, как раковина из жемчужин, я выброшен на берег твой» (О. Мандельштам, «Раковина»).* Модальные слова могут и не выделяться интонационно (а на письме пунктуационно), когда они тесно примыкают к сказуемому и оценивают его с точки зрения достоверности или недостоверности: *«Плеснув в зрачке и растворившись в лимфе, она сродни лишь эолийской нимфе, как друг Нарцисс. Но в календарной рифме она другим **наверняка** видней» (И.А. Бродский, «На смерть Т.С. Элиота»).* Также модальные слова употребляются и в качестве слов-предложений, в которых выражается оценка ранее сказанного с точки зрения его достоверности – недостоверности.

Модальные слова выражают субъективное отношение говорящего к высказываемой в предложении мысли. Модальные слова имеют значение предположения, сомнения, вероятности, уверенности говорящего в мысли, выраженной в предложении. Модальные слова стоят в особом отношении к

предложению. Они не являются членами предложения, так как, давая оценку всей ситуации, изложенной в предложении, они оказываются как вне предложения.

Выполняя функцию вводного члена предложения, модальное слово может занимать место в начале предложения, в середине и иногда в конце предложения. Модальное слово обычно относится ко всему предложению в целом и выражает субъективное отношение говорящего к высказываемой мысли [Парамонов 2008: 56].

По справедливому замечанию В.В. Виноградова, все модальные частицы, слова, словосочетания чрезвычайно пестры по своим значениям и по своей этимологической природе. В категории субъективной модальности естественный язык фиксирует одно из ключевых свойств человеческой психики – способность противопоставлять "я" и "не-я" в рамках высказывания. В каждом конкретном языке модальность оформляется с учетом его типологических особенностей, но везде она отражает сложное взаимодействие между четырьмя факторами коммуникации: говорящим, собеседником, содержанием высказывания и действительностью [Виноградов 1975: 127].

Л.И. Величко считает, что модальные частицы относятся к словам, основная функция которых в высказывании заключается в обозначении особого, модального типа отношений. Они – фиксаторы точки зрения говорящего, автора высказывания. Модальные частицы в этом случае могут быть охарактеризованы как знаки, при помощи которых говорящий осуществляет «привязку» своего высказывания к ситуации в координатах «Я – здесь – сейчас» [Величко 2000: 73].

Являясь средствами сохранения, накопления и передачи информации, модальные слова и частицы способны выполнять в предложении важную структурную функцию – формировать такой особый тип предложения, как модально-ответные: – *Как ты думаешь, он вернется?* – **Вряд ли**; – *Ты уверена?* – **Как будто...**

Модально-ответное предложение никогда не фиксируется на полюсе достоверности. Модальные частицы обозначают здесь грань, за которой предшествующее суждение переводится в иной временной континуум и осмысливается говорящим с позиции «Здесь» и «Сейчас». Способность частиц формировать модально-ответное предложение является их важной структурообразующей функцией в языке. В этом аспекте рассматриваемые модальные квалификаторы должны быть определены не только как речевые, но уже как языковые структурообразующие средства. Смыслы, вводимые в предложение модальными частицами, существенно конкретизируют собственно предложенческие смыслы, соотносят их с говорящим, проявляют его позицию [Ваулина 2008: 157].

Данные смыслы прагматически важны для высказывания, так как выражают его авторство, что для речевого образования (в отличие от конструкции, модели) является определяющим. Предложения с модальными частицами интересны в том плане, что в них зафиксирован в действии процесс, который может быть условно обозначен как снятие четкой противопоставленности объективного и субъективного слоев смысла в предложении. В предложениях с модальными частицами объективный и субъективный слои смысла приближены друг к другу, представляют собой синтез двух единств. Объективный слой смысла (диктум) при помощи частицы как бы притягивается к субъективному слою (модусу), в результате чего субъективные смыслы внедряются в объективные, усложняя их смысловую структуру [Балли 1955: 218].

Как считает В.В. Виноградов, использование в разговорной речи модально-ответных предложений предполагает наличие собеседников, а также существование между ними непосредственного контакта. Говорящий, употребляя в речи модально-ответные предложения помогает слушающему понять, какой модальный оттенок имеет высказывание, т.е. указывает на связь с определенным контекстом или ситуацией общения и тем самым облегчает понимание между участниками беседы.

Кроме того, несмотря на относительное отсутствие денотативного значения, модально-ответные предложения придают речи связность, беглость и элегантность, что является характерной особенностью разговорной речи, тяготеющей к конкретности и краткости [Виноградов 1975: 183].

По мнению Г.А. Золотовой, модально-ответные предложения начинают играть более существенную роль в художественном тексте. Это явление в основном наблюдается в тех произведениях, где более или менее отчетливо просвечивает личность автора, его мироощущение, его вкусы и представления, а это уже проявление субъективно-оценочной модальности. Грамматические и лексические средства модальности, характерные для выявления этой категории внутри предложения (фразовая модальность), в тексте употребляются особыми способами. Например, повторяя один из стилистических приемов в его разнообразном лексическом наполнении, автор сознательно или бессознательно характеризует какое-то явление, событие, личность героя и опосредованно раскрывает этим свое личное к ним отношение [Золотова 1998: 74].

Таким образом, можно рассматривать два вида модальности: объективную и субъективную, но, в любом случае, модальность – это сложное взаимодействие между говорящим, собеседником, содержанием высказывания и действительностью.

1.3 Специфика художественного текста в сфере функционирования модально-ответных предложений

На современном этапе изучение модальности, как универсальной синтаксической категории, изучение модально-ответных предложений требует рассмотрения антропоцентрического фактора в языке, исследования поведения человеческой личности в процессе коммуникации (коммуникативные установки и эмоциональное состояние участников речевого общения, условия речевого общения, способы воздействия на

адресата речи и т. п.). Именно языковая личность становится доминантой языковой динамики, формируя свою собственную систему отражения мира на основе общей языковой системы, в результате чего в языке, с одной стороны, отражается объективная реальность, с другой – выражается субъективный мир говорящего, его отношение к описываемому.

По мнению Е.Н. Базалиной, фрагментом языковой категории модальности является модальность художественного текста, поскольку «...Художественный текст, являясь искусственно организованной структурой, материализованным фрагментом специфической гносеологической и национальной культуры этноса, передает определенную картину мира и обладает высокой силой социального воздействия. Художественный текст как законченное речевое произведение пронизан субъективностью и антропоцентрическими устремлениями, а антропоцентричность выражается в речи и как субъективно-модальное значение» [Базалина 2000: 75].

Мы согласны с мнением Л.С. Ермолаевой о том, что модальность в художественных текстах рассматривается как «...Коммуникативно-семантическая категория, выражающая субъективное, но базирующееся на объективных факторах, отношение автора к своему сообщению, проявляющееся как результат выбора предметов и явлений объективной действительности, качественной оценки текстовых объектов и способе отражения между явлениями в тексте» [Ермолаева 1963: 20].

Адекватный семантический анализ модальности возможен только при учете ее функционирования в речи, в коммуникации, высшей единицей которой является текст. Именно в тексте актуализируются значения всех модальных единиц, в результате синтеза и взаимодействия которых возникает модальный смысл текста, представляющий собой сложное явление, не равное простой сумме модальных значений единиц, составляющих текст. Модальность является текстообразующей категорией.

Модальность в художественных текстах рассматривается как «...Коммуникативно-семантическая категория, выражающая субъективное, но базирующееся на объективных факторах, отношение автора к своему сообщению, проявляющееся как результат выбора предметов и явлений объективной действительности, качественной оценки текстовых объектов и способе отражения между явлениями в тексте» [Ваулина 2008: 156].

По мнению В.В. Казаковской, модально-ответные предложения в художественном тексте выступают репрезентаторами авторской точки зрения. Приступая к рассмотрению авторской точки зрения, заключенной в эмоциональной окраске художественного текста, следует обратиться к определению текста [Казаковская 1996: 58].

Художественный текст представляет собой словесное речевое произведение, сложный языковой знак, в котором реализуются языковые единицы всех уровней, от фонемы до предложения. Художественный текст создан для того, чтобы объективировать мысль автора, воплотить его творческий замысел, передать знания и представления о человеке и мире, вынести эти представления за пределы авторского сознания и сделать их достоянием других людей. Каждый писатель создает в литературном произведении свой мир в соответствии со своим замыслом, со своим индивидуально-образным восприятием и изображением жизни, действительности [Михайлов 1990: 38].

Текст – сложное речевое произведение, имеющее многослойную и многоуровневую организацию. Как системно-структурное образование, он должен иметь собственные текстовые единицы, связанные определенными отношениями и в силу своей неоднородности организующиеся в уровни [Новиков 1988: 194].

«...Поскольку средства выражения авторской точки зрения объединяют языковые единицы разных уровней языка, то текст является лучшей основой для исследования категории модальности, модально-ответных предложений в художественном тексте», как считает

Г.Я. Солганик. В филологическом сообществе в настоящий момент нет общепринятого определения текста, хотя все исследования, посвященные ему, начинаются обычно с важнейших точек зрения автора, его сущностных характеристик возможностей определения текста, обусловленное его сложной природой [Солганик 1984: 179].

Большинство определений текста – это развернутые определения, обнаруживающие стремление исследователей дать объемную характеристику текста с приведением множества важнейших его признаков. В объемных определениях даются комбинации признаков, которые у разных авторов варьируются, при этом обычно подчеркивается значимость роли автора. Например: «...Художественный текст - это возникающее из специфического (эгоцентрического) внутреннего состояния художника душевное чувственно-понятийное постижение мира в форме речевого высказывания» [Адмони 1994: 120].

Много определений текста (В.А. Пищальниковой, К. Кожевниковой, Ю.А. Сорокина, В.П. Белянина) построено на выдвижении в качестве доминанты коммуникативной природы текста. При этом Ю.А. Сорокин подчеркивает: «...Понятие «текст» не может быть определено только лингвистическим путем. Текст прежде всего понятие коммуникативное, ориентированное на выявление специфики определенного рода деятельности» [Сорокин 1982: 66].

В определении Л.М. Лосевой подчёркивается роль авторской установки, авторское отношение к описываемому событию: «В тексте выражается отношение автора к сообщаемому (авторская установка). На основе приведенных признаков текст можно определить как сообщение в письменной форме, характеризующееся смысловой и структурной завершенностью и определенным отношением автора к сообщаемому» [Лосева 1980: 4].

В заключение мы приведем определение текста, предложенное И. Г. Гальпериным, ибо оно емко раскрывает его природу, почему, вероятно,

и цитируется чаще всего в литературе по лингвистическому анализу текста: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 18].

Обобщая понятие текста, можно отметить, что художественный текст всегда представляет собой реализацию концепции автора, его индивидуальную картину мира, которая складывается в воображении автора и реализуется в художественном тексте с помощью различных языковых средств, отобранных в соответствии с авторским замыслом. Кроме того, художественные произведения адресовано читателю, который в свою очередь интерпретирует текст в соответствии со своей социально-культурной компетенцией. В этом отношении роль субъективно-модальных квалификаторов в пространстве художественного дискурса трудно переоценить. Они становятся яркими маркерами авторского отношения к событиям и героям произведения, сигналами перехода от авторского повествования к внутренним монологам героев. Их использование прагматически обусловлено: автор художественного текста стремится вызвать в читателе ответные ментальные и эмоциональные состояния, поэтому существенным в данном случае является расширение модусного, интерпретационного содержания, создание многообразия субъективно-оценочных квалификаций речи. Важная особенность художественного текста – его полифонизм, многокомпонентность, многомерность. В то же время, описывая действительность, автор выражает к созданной картине определенное отношение, что вполне объясняется целью любой речетворческой деятельности – выразить свое понимание мира и воздействовать на адресата [Николаева 1978: 117].

В художественном тексте модально-ответные предложения реализуется в «...Характеристике героев, в своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в предложениях, в умозаклучениях, в актуализации отдельных частей текста и в ряде других средств» [Новиков 1983: 96].

Согласно В.В. Казаковской, точка зрения автора в модально-ответных предложениях выражается при помощи различных модальных слов – от выражающих понятия уверенности, предположения, вероятности до выражающих понятия радости, восторга, восхищения и т. п. Она подчеркивает, что субъективно-модальные значения передаются не только лексикой (например, модальными словами, междометиями), но и грамматикой (наклонением, аффиксами субъективной оценки), и фонетикой (интонацией) [Казаковская 1996: 132].

М.В. Зайнуллин выявил следующие виды модальности: модальность необходимости и долженствования (дебитивная модальность), предположительная (гипотетическая) модальность, модальность возможности и невозможности (потенциальная модальность), побудительная (императивная) модальность, модальность намерения (интенциональная модальность), желательная (оптативная) модальность, и самое главное, модальность действительности/недействительности. Модальность действительности предполагает, что содержание высказывается с точки зрения говорящего лица, соответствует объективной реальности: субъект воспринимает сообщаемое как реальный и достоверный факт. Модальность недействительности наоборот означает, что содержание сообщаемого не соответствует объективной реальности, субъект воспринимает сообщаемое как не реальное, т.е. как возможное, желаемое, предположительное, сомнительное и т.д. Модальность недействительности подразделяется на следующие семантические виды [Зайнуллин 2000: 218].

Авторскую точку зрения, его субъективно-оценочную характеристику И.Р. Гальперин относит к текстовой модальности, которая «...Реализуется в

характеристике героев, в своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в сентенциях, в умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста и в ряде других средств» [Гальперин 1981: 94].

Разнообразные способы выражения модально-ответных предложений в художественном тексте, взаимодействуя и переплетаясь, формируют общее ощущение, настроение восприятия текста, его эмоционально-психологическую окраску. Среди важных проблем для понимания текстообразующей функции авторской модальности, несомненно существенных является вопрос о специфике взаимоотношений данной категории с другими текстообразующими семантическими категориями и прежде всего с категорией персональности, которая по самому своему существу связана «...С отношением обозначаемой ситуации и ее участников к ситуации речи», а центральной фигурой в ситуации коммуникации является, как известно, говорящий. Применительно же к тексту в качестве такой фигуры выступает образ автора [Мусаева 2001: 69].

Вряд ли можно согласиться с исследователями, рассматривающими модальность в качестве составного компонента текстообразующей категории персональности, поскольку в этом случае принижается статус функционально-семантической категории модальности, которая (на что мы обращали внимание выше) так же, как и персональность, является текстообразующей категорией и так же участвует в выражении авторской точки зрения, формирующей как антропоцентричность, так и субъектоцентричность текста, в первую очередь художественного [Трофимова 2006: 75].

Аспект выражения авторской точки зрения в модально-ответных предложениях тесно связан с инструментом выражения мысли говорящего. Образ автора можно определить как «...Личностное отношение к предмету изображения, воплощенное в речевой структуре текста» [Ваулина 2008: 155]. Раскрытию этого понятия еще в 30-е годы XX века особенно много внимания

уделил В.В. Виноградов. Основы теории образа автора, разработанные им на основе анализа текстов художественной литературы, позволяют понять, каким образом разнородные элементы речевой структуры произведения интегрируются в одно коммуникативное целое [Виноградов 1975: 84].

По сравнению с объективной, субъективная модальность охватывает всю гамму реально существующих в естественном языке разноаспектных и разнохарактерных способов квалификации сообщаемого и реализуемого. Интонация является универсальным средством выражения самых разнообразных субъективно-модальных значений. Любое предложение, произнесенное с интонацией восклицания, приобретает значение экспресивное, оценочное, акцентирующее и т.п. Но «Восклицательность» – только один из способов интонационного выражения отношения к сообщаемому: в языке действует богатая система специальных интонационных схем, выражающих усиление, сомнение, недоверие, удивление, самые разные, иногда прямо противоположенные значения. Так, например, средствами интонации, обычно в сочетании с частицами, организуется риторический вопрос как негативное утверждение и вопрос-отрицание [Шведова 1960: 211].

Другими важными средствами выражения мыслей говорящего в модально-ответных предложениях являются введение специальных модальных частиц, например, для выражения неуверенности («*Вроде*»), предположения («*Разве что*»), недоверности («*Якобы*»), удивления («*Ну и*»), опасения («*Чего доброго*») и др.; при помощи междометий («*Ах!*», «*Ой-ой-ой!*», «*Увы*» и др.); при помощи порядка слов с вынесением главного члена предложения в начало для выражения отрицательного отношения, ироничного отрицания («*Станет он тебя слушать!*», «*Хорош друг!*»); специальные конструкции со специализированной структурной схемой предложения или схемой построения его компонентов: «*Нет чтобы подождать*» (для выражения сожаления по поводу чего-либо неосуществившегося), «*Она возьми и скажи*» (для выражения

неподготовленности, внезапности действия) и др. Средства выражения авторской точки зрения функционируют как модификаторы основной модальной квалификации, выраженной глагольным наклонением. Они способны перекрывать объективно-модальные характеристики, образуя в модальной иерархии высказывания квалификацию «последней инстанции» [Лосева 1980: 56].

При этом объектом факультативной оценки может оказаться не только предикативная основа, но и любой информативно значимый фрагмент сообщаемого. В этом случае на периферии предложения возникает имитация дополнительного предикативного ядра, создавая эффект полипредикативности сообщаемого. Признаком авторской точки зрения являются факультативные высказывания. Значения, составляющие содержание категории субъективной модальности, неоднородны, они требуют упорядочения, многие из них не имеют прямого отношения к грамматике. Смысловую основу субъективной модальности образует понятие «Оценки» в широком смысле слова, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции [Яковлева 2003: 138].

Наиболее ярко точка зрения автора проявляется в разговорной речи и в художественном тексте. В процессе создания художественного произведения чрезвычайно важным оказывается не только переход от мира реального к миру изображаемому, но и поиск средств, реализующих идейный замысел, коммуникативную позицию писателя. Вот почему наличие в художественном тексте субъективно-модальных значений не вызывает сомнений. Авторское отношение(идеолект) к событиям и героям художественного произведения пронизывает весь текст и служит соединению отдельных его частей в единое целое, способствует раскрытию идеи, пониманию читателем авторского замысла [Лукин 1999: 74].

Позиция писателя по отношению к изображаемому неизбежно накладывает отпечаток на выбор языковых средств и способы их организации в художественном тексте: «...Состав речевых средств в структуре литературного произведения органически связан с его содержанием и зависит от характера отношения к нему со стороны автора» [Виноградов 1975: 125]. В одних случаях это авторское отношение может просматриваться явственно сквозь художественную ткань, как, например, в лирических отступлениях Гоголя – автора «Мертвых душ», в других – обнаруживается при внимательном лингвистическом анализе использованных автором художественных тропов, речевых характеристик персонажей, собственных имен, прямой речи, способов организации композиции и т.д. Говоря об авторской точке зрения, следует иметь в виду не систему авторского мировосприятия вообще (вне зависимости от данного произведения), а ту точку зрения, которую автор принимает при организации повествования в некотором конкретном произведении.

Таким образом, вопрос соотношения диктумных и модусных смыслов в художественном тексте приобретает особую значимость в свете рассмотрения субъективной модальности как самостоятельной коммуникативно-прагматической категории. Предложения с субъективно-модальным значением обычно имеют эмоционально-экспрессивный характер. В художественных произведениях В. Шукшина также присутствуют эмоциональные и экспрессивные элементы, свидетельствующие о наличии в них субъективной модальности.

В текстах художественной коммуникации модальная направленность определяется художественным мировоззрением автора, его эстетическим кредо, отношением к окружающей действительности. «...Модальность выявляется в процессе интеграции частей и способов их сцепления, в характере предикативных и релятивных отрезков текста» [Сорокин 1982: 62].

Предметный аспект текстовой модальности, передающий соотношение между текстовым содержанием и реальной действительностью с точки

зрения автора, несет в себе определенную информацию о предмете, ситуации реальной действительности: все слова в тексте, все предложения, как и текст в целом, актуализированы. Они выступают не как словарные лексемы и гипотетические синтаксические конструкторы, а как означающие конкретные предметы и реальные высказывания о конкретных фактах и ситуациях. Отнесенность к действительности, или актуализация, является необходимым свойством всякого текста.

Субъективное и объективное – неотъемлемые составляющие текстовой модальности, степень проявления которых зависит от ряда факторов, основным из которых является фактор стиля/жанра текста. В тех жанрах текстов, которые являются непосредственно привязанными к действительности, к предмету, факту или явлению объективного мира (например, научно-технические тексты, тексты некоторых жанров деловых документов, некоторые жанры газетных сообщений), объективное выступает достаточно веско, и авторы текстов пытаются это подчеркнуть, подавая информацию в безличной форме. Однако уже сам выбор объекта для описания и определенный ракурс рассмотрения этого объекта в тексте говорят об относительности объективности [Мещарилов 2001: 58].

Таким образом, модальность на уровне текста можно рассматривать как категорию, в которой объективное и субъективное принципиально неразделимы. Соотношение субъективного и объективного в модальности представляется следующим: объективное как общее, общезыковое, общенациональное; субъективное – как частное, принадлежащее конкретному акту коммуникации, личностное или авторское. Эти категории взаимосвязаны, существование одной невозможно без другой, и служат они передаче различных планов отношений.

Именно модальность художественного текста способствует осуществлению наиболее эффективного взаимодействия участников художественной коммуникации. Поскольку художественный текст манифестирует различные соотношения автора как продуцента речи и самого

субъекта речи (рассказчик /повествователь), авторская модальность может быть представлена не прямо, а опосредованно – через персонажную сферу. Всё это даёт возможность утверждать, что модальность в художественном тексте представляет собой результат многоуровневой субъективно-оценочной деятельности [Туманова 2006: 194].

Авторская субъективность зависит от формы повествования, отношения к персонажу и читателю, что позволяет включить в понятийные координаты категории текстовой модальности художественного текста референтивную и субъективно-оценочную модальность [Попова 1996: 114].

Модально-ответные предложения также рассматриваются как часть прагматики художественного текста, в основе которого лежат субъективно-модальные смыслы одобрения/неодобрения. Семантическую основу категории модальности составляют: предметная модальность, представляющая отраженную в тексте авторскую модель действительности, и оценочная модальность, модифицирующая предметную модальность дополнительными качественно-оценочными характеристиками сообщаемого в тексте.

Г.Г. Матвеева считает, что под прагматикой текста следует понимать «...Аспект функционирования языковых единиц, выбор которых определяется интенциональными воздействующими задачами отправителя текста, учитывающего ситуативные условия акта общения и принятые в данном функциональном стиле нормативные способы употребления языка». Текст как наиболее сложная структура в иерархии языковых единиц обладает содержательной целостностью, синтактико-смысловой связностью составляющих компонентов и внешней информативностью. Также Г.Г. Матвеева предлагает «...Выделить прагматическую функцию текста как часть коммуникативной функции, потому что прагматическая функция играет большую роль в акте общения» [Матвеева 1984: 93].

Одной из самых важных возможностей применения прагматики в анализе модально-ответных предложений художественного текста является

интерпретация его невербализированного содержания. Специфика художественного текста состоит прежде всего в том, что автор, обеспечивая читателю новое познание мира, одновременно передает и свое отношение к изображаемому, организуя текст особым образом и отбирая языковые средства, материализующие роль автора в тексте в соответствии с его художественным замыслом.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что художественный текст – это один из способов реализации модально-ответных предложений, они выступают репрезентаторами авторской точки зрения, являются прагматическими элементами, т. е. открывают неисчерпаемые возможности для постижения всей совокупности лингвистических средств, функционирующих на уровне текста и направленных на читателя. А также модально-ответные предложения представляют собой инструмент выражения мысли говорящего, т. е. компрессивный способ выражения мысли.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Одной из центральных проблем при рассмотрении нечленимых предложений является проблема типологии простого предложения. Общепринятыми были и остаются классификации по количеству и составу главных членов, по наличию/отсутствию второстепенных, по полноте реализации структурных схем, по наличию осложнения, по характеру предикативных отношений, по эмоциональной окраске. Согласно этим классификациям выделяются членимые и нечленимые предложения. Данная типология основана на логико-синтаксическом подходе. При применении же функционального принципа классификации предложений, необходимо вести речь о членимости/нечленимости выражаемой мысли. Выделяемые данной типологией типы и разновидности предложений невозможно представить в виде автономных областей: они возникают, развиваются и существуют при постоянном взаимодействии, образуя многочисленные смешанные зоны, которые включают синкретичные построения, совмещающие свойства полярных типов. Они отражают взаимодействие синтаксических конструкций и являются важнейшим системообразующим фактором.

Основной сферой употребления нечленимых предложений является диалогическая речь с ее стремлением наиболее ярко, точно и лаконично выразить мысль и эмоцию, ее сопровождающую. На периферии нечленимых предложений находятся многочисленные диалогические реплики, образовавшиеся на базе глагольных и именных полных конструкций и не утратившие ещё связей с ними.

По мнению В.З. Панфилова, модальность является универсальной категорией языка и обязательным конституирующим признаком любого высказывания. Каждое высказывание имеет пропозициональное содержание, в основе которого лежит акт предикации, т.е. соотнесения предмета мысли и его признака через утверждение или отрицание связи между ними, что в языке выражается категорией предикативности. Модальность является одним

из способов актуализации пропозиции наряду с другими категориями, такими как время, лицо, вид и др.

Г.А. Золотова разграничивает три основных модальных плана: отношение высказывания к действительности с точки зрения говорящего; отношение говорящего к содержанию высказывания; отношение субъекта действия к действию. Она определяет отношение в первой формулировке как объективную модальность, а во второй – как субъективную.

Как отмечает Л.С. Ермолаева, в русском языке существуют специализированные средства для выражения модальности – модальные слова, у которых модальность выражается в их семантике и в их особом грамматическом статусе.

Являясь средствами сохранения, накопления и передачи информации, модальные слова способны выполнять в предложении важную структурную функцию – формировать такой особый тип предложения, как модально-ответные.

В художественном тексте модально-ответные предложения реализуется в характеристике героев, в своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в сентенциях, в умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста и в ряде других средств.

Специфика художественного текста состоит прежде всего в том, что автор, обеспечивая читателю новое познание мира, одновременно передает и свое отношение к изображаемому, организуя текст особым образом и отбирая языковые средства, материализующие роль автора в тексте в соответствии с его художественным замыслом.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что художественный текст – это один из способов реализации модально-ответных предложений, они выступают репрезентаторами авторской точки зрения, являются прагматическими элементами, т. е. открывают неисчерпаемые возможности для постижения всей совокупности лингвистических средств, функционирующих на уровне текста и

направленных на читателя. А также модально-ответные предложения представляют собой инструмент выражения мысли говорящего, т. е. компрессивный способ выражения мысли.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОДАЛЬНО-ОТВЕТНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

2.1 Классификация нечленимых предложений. Отличительные особенности модально-ответных предложений при их употреблении в художественном тексте

По мнению В.Ю. Меликяна, параллельное существование и функционирование членимых и нечленимых предложений обусловлено различным объёмом выражаемого ими значения, а отсюда, и различной функциональной предназначенностью. Последние благодаря присутствию эмоционального компонента в их значении и высокой степени экспрессивности характеризуются наличием функции воздействия на слушателя с целью добиться от него необходимой реакции, убедить в наличии или отсутствии какого-либо факта [Меликян 2001: 79].

Все отклонения от существующих языковых правил, связанные с построением нечленимых предложений и их реализацией в речи служат семантической функции акцентуализации, заострения внимания, подчёркивания значимости, ценности репрезентируемой информации для дальнейшего повествования. Это усиливает экспрессивность, воздействующую силу текста, а также степень его запоминаемости, что также является одной из семантических функций текста. Всё это приводит к выводу о том, что из двух основных функций языковых единиц – гносеологической (познавательной) и эстетической – наиболее значимой для нечленимых предложений является последняя. Ответственность же за выполнение основной функции языковых единиц – гносеологической, лежит на членимых предложениях [Пешковский 2001: 409].

Факт возникновения нечленимых предложений на базе членимых, которые соотносимы с ними структурно-семантически, связан с выражением разнообразных оценок и отношения говорящего к предмету речи и собеседнику, которые появляются благодаря наличию внутренней формы у

большинства нечленимых предложений: «...Эмоционально-оценочная экспрессия разговорного фразеологизма рождается именно из соотношения значения его внутренней формы и актуального речевого значения», а также из необычности их формально-семантической организации, которая своей нестандартностью уже сама по себе привлекает внимание собеседников. Эмоционально-экспрессивные компоненты семантики нечленимых предложений составляют значительную и неотъемлемую часть их значения [Шведова 1980: 496].

По определению А.А. Шахматова, нечленимые предложения – это особая коммуникативная единица синтаксиса, которая относится одновременно к языку и речи: в языке у неё обнаруживается определённое инвариантное значение, в речи оно выражается в различных вариациях [Шахматов 1941: 273].

Нечленимое предложение – это развивающееся, продуктивное и нормативное явление современной русской разговорной речи, это определённый тип синтаксического образования, занимающий своё место в системе структурных типов предложения. Его нечленимый характер соответствует основным принципам организации разговорной речи, текста и особенностям мышления говорящих на данном языке [Распопов 1984: 176].

Как считает С.Г. Ильенко, появление нечленимых предложений обусловлено действием закона асимметрии языкового знака и является результатом приобретения языковой единицей нового значения и новой функции. С формальной точки зрения это явление положительно сказывается на всей системе языка, т.к. позволяет избежать чрезмерной перегрузки списка языковых единиц, используемых говорящими на данном языке, а также способствует интенсификации и оптимизации процесса коммуникации. Различные типы нечленимых предложений проявляют высокую степень совместной встречаемости. С этим связано свойство их предсказуемости: появление в речи одного из них означает возможность (с

высокой степенью вероятности) появления другого в соответствующей конситуации [Ильенко 2009: 123].

Реализация нечленимых предложений, по мнению Г.И. Кутовой, в речи основывается на выборе между экспрессивной (фразеологизированной) и соотносимой с ней в этимологическом аспекте эмоционально-нейтральной (свободной) структурой. При этом предпочтение отдается конструкции, наиболее точно выражающей замысел говорящего и соответствующей условиям коммуникации. В разговорной речи преобладают фразеологизированные построения [Кутова 2005: 176].

Нечленимые предложения являются особым типом неполных предложений, сферой функционирования которых является разговорная речь, позволяющая однословным, модальным, эмоциональным или звательным компонентам восстановить семантику ответной реплики собеседника, опираясь на реплику говорящего лица. Н.К. Онипенко представила классификацию моделей предложения тремя типами: свободные, синтаксически обусловленные и связанные. Если воспользоваться ею, то нечленимые предложения следует отнести к синтаксически обусловленным структурам – синтаксическим дериватам базовых моделей. Они появились в результате «...Взаимодействия коммуникативной единицы и контекста, то есть подстройки базовой модели предложения под конкретные текстовые условия» [Золотова 1998: 76].

Морфологическую основу нечленимых предложений как особых неполных, лишенных компонентов конструктивного состава составляют модально-междометные слова и вокативы – дополнительные синтаксические конструкции, занимающие формально изолированный статус в предложении (вводные компоненты, междометия и обращения). Любое полнозначное слово конструктивной базы предложения формирует другой, отличный от нечленимого тип неполного предложения [Скобликова 1979: 277].

Как считает Б. Ханзен, проблема статуса нечленимых предложений ставит несколько вопросов. Один из них заключается в том, почему в состав вводных компонентов не включают междометия. Какая, например, разница между синтаксической функцией слов *увы* и *к сожалению*: *«Увы (1), это не сон, и зрение не обманывает нас!»* (А.П. Чехов, «Оратор»); – *Он казался мне тогда ужасно ученым, умным и важным. А теперь уж не то, к сожалению (2)* (А.П. Чехов, «Три сестры»).

Различие между ними словообразовательное: (1) непроизводное, (2) производное. В традиции принято разграничивать их семантически, хотя в данном конкретном случае очень сложно противопоставить их как эмоциональный (1) и модальный (2): оба выражают чувства, но (1) непосредственно, через специальное вербальное средство, а (2) опосредованно, через состояние, именуемое в языке существительным *сожаление*. И абсолютно очевидно, что (1) и (2) выполняют одну и ту же функцию в предложении – устанавливают отношение говорящего лица к высказыванию, не входя в конструктивный состав предложения. В условиях исключения оцениваемой ими предикации, они имплицитно ее, становясь нечленимыми предложениями:

«...Отпустите меня! – шептала она, дрожа всем телом и не видя перед собою в потемках ничего, кроме белого кителя. – Вы правы, я ужасная женщина... я виновата, но отпустите... Я вас прошу... – она дотронулась до его холодной руки и вздрогнула, – я вас умоляю... – Увы! – вздохнул Кирилин» (А.П. Чехов, «Дуэль»). *«Астров. Она верна профессору? Войницкий. К сожалению...»* (А.П. Чехов, «Дядя Ваня»).

Предикативную функцию выполняют и междометия, являющиеся этикетными формулами вежливости при приветствии, прощании, благодарности и т.п. (*– Ты уходишь? – До свидания, спокойной ночи, прощайте*), и побудительные междометия (*айда!, стоп!, цыц!, алло!, вон!, прочь!* и т.п.) [Ханзен 2006: 83].

Следовательно, нет причин не включать междометия в состав вводных компонентов как один из способов выражения эмоционально-модального отношения к высказыванию. Механизм приобретения дополнительной синтаксической конструкцией коммуникативного значения прост: полное исключение семантической базы предложения с передачей ее функции компоненту, который ее оценивает, неизбежно предполагая оцениваемое (суть та же, что и при субстантивации адъективных слов). Следуя логике этого процесса, к нечленимым предложениям следует отнести и вокативы, выражающие отношение к высказыванию посредством обращения, которое без постпозитивной предикации берет на себя функцию коммуникативной единицы с модально-эмоциональным значением:

«Аркадина (тихо). *Это что-то декадентское.*

Треплев (умоляюще и с упреком). ***Мама!***

Треплев мог бы ответить: *Мама, прекрати*» (А.П. Чехов, «Чайка»).

Но его прагматическая установка требует особой структурно-семантической единицы, которая дала бы понять матери адресату, как тяжело и неловко сыну прерывать ее обидные рассуждения. В этом случае вокатив в качестве нечленимого предложения прагматически точно передает емкое эмоционально-модальное состояние собеседника – вряд ли оно здесь заменимо обычным, базовым предложением.

Другой вопрос, возникающий при определении статуса нечленимых предложений, связан с морфологической идентификацией лексем «Да – нет» при их функционировании в качестве синтаксически обусловленных коммуникативных единиц. Эти слова-антонимы занимают крайние, нулевые точки модальной парадигмы со значением той или иной степени достоверности сообщения (*вероятно, конечно, может быть, наверное, по-моему* и т.п.), передавая абсолютно достоверную, позитивную или негативную мысль. Приходится отметить, что толковые словари не дают полной картины функций «Да – нет». Ответная реплика представляет собой не что иное, как нечленимое предложение, но это противоречит

квалификации да как частицы, служебного слова конструктивного состава, которое принципиально не может выступать в функции предложения без каких-то лексико-грамматических трансформаций, свойственных разговорной речи, таких, например:

- *Ты придешь завтра?*
- **Не** (вместо нет) (1).
- *Именно она тебя посетила?*
- **Именно...** (2) [Щерба 1957: 113].

Окказиональные ответные реплики как раз и демонстрируют невозможность употребления частиц в самостоятельном значении. Но и они, будучи просторечными и не закодированными в учебной литературе, являют собой членимые структуры, имплицитно один из членов предложения, в состав которого входят. В (1) это рема-предикат (не приду), в (2) рема-субъект (именно она). Понятно, что разница между релятивными словами внутри конструктивного состава предложения и вне его детерминирует различные возможности репрезентации неполноты. Первые обнаруживают модальное отношение говорящего лица ко всей, уже сложившейся предикации в целом, вторые являются модальными оттенками членов предложения, восстанавливая их позицию [Рахманова 2006: 236].

Б.Ю. Норман пишет о том, что «...**Не**, по-видимому, следует рассматривать как часть того слова, перед которым оно стоит» [Норман 1994: 56]. Еще определеннее высказывается П.А. Лекант, считающий частицу «не» префиксальной морфемой, а не отдельной словоформой, поскольку она ни в какой мере не обладает линейно-синтагматической самостоятельностью [Лекант 1986: 95].

Мы согласны с мнением С.Г. Ильенко, что слова «Да – нет» в составе предложения по отношению к словам его конструктивной базы ведут себя так же, как и модальные слова, выражающие различную степень достоверности высказывания, то есть выполняют функцию вводного компонента, передавая абсолютную достоверность позитивной или

негативной мысли. К ним примыкают составные модальные частицы *вряд ли, еще бы, вот еще* и т.п., которые также способны употребляться изолированно как ответная реплика диалога со значением различной степени достоверности, подобно модальным словам: – *Вам понравилось?* – **Конечно, еще бы, вот еще**; – *Ты придешь?* – **Может быть, вряд ли**. В этом случае можно говорить о переходе одних релятивных слов в другие – частиц в модальные слова.

По мнению В.Ю. Меликян, по способу выражения нечленимые предложения можно разделить на следующие типы:

1. Модальные (модальные слова и перешедшие в них модальные частицы).
2. Эмоционально-модальные (междометия).
3. Утвердительно-отрицательные (да – нет).
4. Вокативные (обращения) [Меликян 2001: 82].

Чеховские лаконичные диалоги изобилуют нечленимыми предложениями, различающимися семантикой и способом выражения, что дает основание для построения их типологии. Перечисленные типы можно проиллюстрировать из пьес А.П. Чехова:

1. Модальные:

А) собственно модальные слова:

«*Анна Петровна. И химией занимается?*

Трилецкий. **Кажется**» (А.П. Чехов, «Безотцовщина»).

«Войнищев. *Он романтик.*

Глагольев. **Может быть...**» (А.П. Чехов, «Безотцовщина»).

Б) модальные слова, мотивированные частицами:

«Треплев (обрывая у цветка лепестки). «*Любит – не любит, любит – не любит, любит – не любит. Видишь, моя мать меня не любит. Еще бы!* Ей хочется жить, любить, носить светлые кофточки, а мне уже двадцать пять лет, и я постоянно напоминаю ей, что она уже не молода» (А.П. Чехов, «Чайка»).

2. Эмоционально-модальные

А) междометия, выражающие эмоции:

«Трилецкий. *Езжу к ней, болтаю, надоедаю, ввожу ее маменьку в расход по кофейной части и... больше ничего. Ваш ход. Езжу, надо вам сказать, через день, а иногда и каждый день, гуляю по темным аллеям...*
Анна Петровна. **Ну?**

Трилецкий. *Ну и ничего... Что собственно тянет меня к ней, определить судно»* (А.П. Чехов, «Безотцовщина»).

«Анна Петровна. *Я сама пойду... Что же я сама не бегу? Я сама...*

Платонов(входит). **Ох!** (Садится на диван.)

Войницева встает. Анна Петровна (в сторону). *Что с ним?*

Платонов. *Рука болит...*» (А.П. Чехов, «Безотцовщина»).

«Тригорин. *У меня партия, господа.*

Аркадина (весело). **Браво! Браво!**» (А.П. Чехов, «Чайка»).

Б) побудительные междометия:

«Трилецкий (Анне Петровне). *Умереть этому медоточивому от меланхолии! Страсть не люблю! Уши режет!*

Анна Петровна. **Тссс...**» (А.П. Чехов, «Безотцовщина»).

«Марина. *Все то же, опять все насчет пустоши. Цып, цып, цып...*

Соня. *Кого ты это?*

Марина. *Пеструшка ушла с цыплятами... Вороны бы не потаскали...*» (А.П. Чехов, «Дядя Ваня»).

«Маша. *Я пойду поищу его.*

Аркадина. *Пожалуйста, милая.*

Маша. **Ау!** Константин Гаврилович! **Ау!**» (А.П. Чехов, «Чайка»).

В) этикетные формулы:

«Нина (выходя из-за эстрады.) *Очевидно, продолжения не будет, мне можно выйти. Здравствуйте!*» (Целуется с Аркадиной и Полиной Андреевной.) (А.П. Чехов, «Чайка»).

«Нина. *А мне пора. Прощайте.*

Аркадина. *Куда? Куда так рано? Мы вас не пустим*» (А.П. Чехов, «Чайка»).

«Марина. *Люди не помянут, зато бог помянет.*

Астров. **Вот спасибо.** *Хорошо ты сказала*» (А.П. Чехов, «Дядя Ваня»).

3.Вокативные:

«Зинаида Саввишна (входит, одетая в новое платье, голова повязана мокрым полотенцем). *Там, кажется, приехал шафер жениха. Надо идти благословлять...* (Плачет.)

Саша (умоляюще). **Мама!**

Лебедев. *Зюзюшка, полно тебе сырость разводить!.. Уж, слава богу, целый год, извини за выражение, проревела.*

Пауза.

Уксусом от тебя разит, как из бочки...

Саша (умоляюще). **Мама!**» (А.П. Чехов, «Иванов»).

4.Утвердительно-отрицательные:

«Нина(взволнованно). *Я не опоздала... Конечно, я не опоздала...*

Треплев (целуя ее руки). **Нет, нет, нет...**

Нина. *Весь день я беспокоилась, мне было так страшно! Я боялась, что отец не пустит меня...*» (А.П. Чехов, «Чайка»).

«Астров. *Выспался?*

Войницкий. **Да...** *Очень.* (Зевает.) *С тех пор, как здесь живет профессор со своею супругой, жизнь выбилась из колеи...*» (А.П. Чехов, «Дядя Ваня»).

Ответная реплика, которую можно эксплицировать «*Да, выспался*» утвердительно реагирует на вопрос говорящего лица. «*Да*», являясь нулевым модальным компонентом, подтверждает содержание ремы-предиката вопросительной реплики говорящего лица.

Собеседник может воспользоваться прагматической пресуппозицией говорящего лица, выраженной нечленимым предложением с модальным словом да, в качестве своего ответа:

«Елена Андреевна. *Дело касается одной молодой особы. Мы будем говорить, как честные люди, как приятели, без обиняков. Поговорим и забудем, о чем была речь. Да?*

Астров. *Да*» (А.П. Чехов, «Дядя Ваня»).

В подобных диалогических единствах антонимичное «*Нет*», занимающее противоположную точку модальной парадигмы, соответственно отрицает содержание ремы-предиката вопросительной реплики говорящего лица:

«Соня. *Скажи мне по совести, как друг... Ты счастлива?*

Елена Андреевна. *Нет*» (А.П. Чехов, «Дядя Ваня»).

5. Смешанного типа (сочетание разных компонентов):

А) сочетание междоветного и утвердительного (отрицательного) компонента:

«Анна Петровна. *Не думаю, чтобы скоро... Повар изволил ради нашего приезда нализаться и теперь без ног. Завтракать скоро будем. Seriously, Николай Иванович, когда вы будете сыты? Ест, ест, ест... без конца ест! Ужас что такое! Какой маленький человек и такой большой желудок!*

Трилецкий. *О да!*» (А.П. Чехов, «Безотцовщина»).

«Трилецкий. *Да вы же сами поставили!*

Анна Петровна. *Ах да...Pardon...*» (А.П. Чехов, «Безотцовщина»).

«Аркадина. *Вас бы проводил кто-нибудь, моя крошка.*

Нина (испуганно). *О, нет, нет!*

Сорин (ей, умоляюще). *Останьтесь!*» (А.П. Чехов, «Чайка»).

Б) сочетание модального и утвердительного (отрицательного) компонента:

«Астров. *Она верна профессору?*

Войницкий. *К сожалению, да*» (А.П. Чехов, «Дядя Ваня»).

Не все однословные компоненты, представляющие собой ответную реплику диалога, являются нечленимыми предложениями. Отрицание может

быть выражено отрицательными словами, включающими в себя негативную сему опущенного негативного глагола:

«Аркадина. *Ты спишь?*

Сорин. *Нисколько*» (А.П. Чехов, «Чайка»).

В этом случае слово имеет значение отрицания того, о чем сообщает опущенный отрицательный предикат, то есть входит в конструктивный состав предложения, восстанавливая предикат «*Не сплю*».

Можно привести и другие примеры, когда однословные компоненты, облеченные смыслом только в границах диалогического единства, все же не являются нечленимыми предложениями:

«Маша. *Погодите.*

Дорн. *Что?*

Маша. *Я еще раз хочу вам сказать. Мне хочется поговорить...*» (А.П. Чехов, «Три сестры»).

Здесь «*Что*» представляет собой неполное предложение, стяженное до подлежащего: «*Что я слышу? Что вы говорите?*» и т.п. Оно, возможно, эллиптическое, поскольку своей неполнотой акцентирует дополнительный модальный оттенок крайнего удивления, неожиданности для собеседника того, что адресует ему говорящее лицо. И действительно, от ироничной до сарказма Маши, над всеми посмеивающейся, да еще после того, как Дорн швырнул ее табакерку в кусты, неожиданно звучит просьба остаться поговорить с ней:

«Сорин. *Прелестная была девушка.*

Дорн. *Что-с?*

Сорин. *Прелестная, говорю, была девушка. Действительный статский советник Сорин был даже в нее влюблен некоторое время*» (А.П. Чехов, «Чайка»).

И этот вопрос представляет собой неполное предложение, но оно имеет другое наполнение в контексте. Дорн, только что узнавший, о приезде Нины в усадьбу, думает о ее судьбе. Он заранее знает, что Сорин ничего

интересного не скажет, поэтому не слушает и не слышит его и автоматически, как это бывает, реагирует на его слова. Пустое «*Что-с*» позволяет ему не прерывать размышлений над более значимыми для него вопросами о том, что случилось с талантливой, по его мнению, девушкой, почему она оказалась здесь и т.п.

Таким образом, анализ функционирования нечленимых предложений в художественном тексте показал, что среди неполных членимых предложений они отличаются тем, что формами их выражения являются дополнительные синтаксические конструкции, не входящие в конструктивный состав предложения (предполагающий его деление на тему и рему), но способные имплицировать его содержание: модальные и междометные компоненты, модализированные частицы, слова «*Да – нет*», вокативы.

2.2 Коммуникативно-прагматический аспект модально-ответных предложений

Проблема семантического анализа нечленимых модально-ответных предложений характеризуется сложностью и неоднозначностью вследствие отсутствия или разных степеней нивелирования номинативного значения у лексических единиц, их составляющих. Значение нечленимых синтаксических единиц связано прежде всего с экспрессивно-эмоциональной и волевой сферой сознания человека, репрезентатором которой они являются, и не следует из номинативных значений слов, составляющих их структуру [Снопкова 1973: 239].

В связи с этим по характеру выражаемого значения среди нечленимых предложений выделяются построения с понятийной и непонятийной семантикой. Последние характеризуются облигаторной модусной пропозицией, отсутствием обязательных компонентов, лексической непроницаемостью. Такие единицы выражают непонятийное смысловое содержание [Шведова 1960: 114].

Предложения с понятийной семантикой представляют собой устойчивые сочетания лексем, обладающие как модусной, так и диктумной пропозицией. Эти предложения способны иметь несвободные фразеологизированные модели, опорные компоненты которых представляют собой семантически опустошенные слова или их сочетания, что обеспечивает грамматическую и лексическую нечленимость данных конструкций. Подобные единицы выражают обобщенное понятийное содержание:

«Паратов. *Какую пищу вы дадите для разговоров.*

Лариса. *Что мне за дело до разговоров!*» (= Мне безразличны разговоры) (А.Н. Островский, «Бесприданница»). Прагматическая функция речевого акта характеризует его как акт воздействия говорящего и на среду, и на самого себя, и на адресата [Матвеева 1984: 56]. Здесь важно понять, для чего адресат выбирает свернутое нечленимое суждение, то есть нечленимое модально-ответное предложение?

По мнению Г.Г. Матвеевой, содержание нечленимых предложений имеет исключительно прагматическую природу, в их значении обязательно взаимодействуют объективный и субъективный аспекты категории модальности. Категориальным значением нечленимых конструкций является отношение говорящего к сообщаемому, какому-либо факту действительности или к участникам акта коммуникации.

Мощный прагматический потенциал нечленимых предложений обуславливает следующие характеристики:

- 1) индивидуальность формы и содержания, их нечленимость;
- 2) включение экспрессивности оценочных нечленимых предложений не в периферийную зону семантики, но в ее ядро;
- 3) обладание особым функциональным значением – передать эмоциональную реакцию говорящего на факты контекста и вызвать изменения в сознании реципиента, определенную эмотивную реакцию;

4) сфера функционирования разговорный дискурс бытового диалога с характерными спонтанностью, эмоциональностью, стремлением к экономии языковых средств, привлечением невербальных средств;

5) свойственная разговорным единицам асимметричность формы и содержания, что порождает возникновение контраста между контекстом и прямым значением высказывания [Матвеева 1984: 60].

Особое внимание уделяется вопросу о роли прагматического контекста в процессе функционирования нечленимых предложений в художественном тексте. Процесс коммуникации представляет собой совокупность грамматически оформленных компонентов выражаемого содержания и контекстуально обусловленных значений. Адресантом обязательно учитываются ситуационно-пресуппозитивные знания адресата. С функционально-прагматической точки зрения специфика функционирования нечленимых предложений в рамках диалогических единств состоит в отчётливо выраженной интенциональности высказываний коммуникантов, большой роли их общих фоновых знаний, пресуппозиций. Высказывание реализует свой коммуникативно-прагматический потенциал не изолированно, а в качестве компонента связного коммуникативного контекста. Необходимый для понимания, но словесно не обозначенный компонент мысли проецируется в контексте в соответствии с интенцией говорящего. Ситуативность высказываний создает базу для общих знаний коммуникантов [Мухин 2002: 116].

Основываясь на тесной связи высказывания в диалоге с ситуацией речи и на общности пресуппозиций, говорящий может экономить на коммуникативно-избыточных компонентах высказывания: *«Бредил я что-нибудь? Ещё бы! Себе не принадлежали-с»* (Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание»).

Подобное высказывание обладает особым имплицитным пресуппозитивным смыслом, обусловленным общностью языкового сознания коммуникантов. Категория экспрессивности рассматривается в

качестве дифференцирующего прагматического признака нечленимых предложений. Общей задачей экспрессивности является выражение или стимуляция субъективного отношения к сказанному. Ситуация спонтанного диалога делает актуальной задачу эмоционального самовыражения и эмоционального воздействия на адресата. Проявление экспрессивности в коммуникативно-прагматическом аспекте наиболее интересное выражение принимает в процессе функционирования нечленимых предложений [Норман 1994: 129].

Следует обратить внимание на варьирование экспрессивной макроинтенции в зависимости от объекта аффективной рефлексии. Так, было замечено, что в ситуации, когда в фокусе внимания находится адресат, ведущими будут макроинтенции, регулирующие социально-психологический климат общения и статусно-ролевые отношения коммуникантов:

«Подколесин. *А, черт, как подумаешь, право, какие в самом деле бывают ручки. Ведь просто, брат, как молоко.*

Кочкарев. ***Куды тебе!*** Будто у них только что ручки...» (Н.В. Гоголь, «Женитьба»).

В случае, если объектом не-нейтрального отношения становится описываемая денотативная ситуация или один из её аспектов, то из всех перечисленных экспрессивных макроинтенций чаще других доминирует изобразительность в сочетании с оценкой и эмоцией:

«Патрик. *Я объяснял это доктору, мисс но он сказал, что в присутствии доктора распоряжения медсестры теряют силу...*

Ванесса. ***Вот далее как? Интересно...***» (Г. Горин, «Дом, который построил Свифт»). Когда же в фокусе внимания оказывается сама речевая деятельность и её результат (сообщение), то говорящий прилагает дополнительные усилия для того, чтобы представить свою информацию как интересную, эксклюзивную, значимую для собеседника.

Следует отметить особую роль экстралингвистических средств реализации экспрессивного потенциала нечленимых предложений. Можно

уточнить существующие представления о средствах формального выражения экспрессивности. К ним, помимо разноуровневых языковых маркеров, относятся суперсегментные и невербальные средства, которые в большинстве случаев играют ведущую роль в экспрессивном воздействии на собеседника [Панфилов 1977: 86].

К невербальным средствам оптимизации речевого воздействия относятся:

1) мимика: *«Не забудь, Андрей Петрович, – сказала матушка, – поклониться и от меня князю Б.; я, дескать, надеюсь, что он не оставит Петрушу своими милостями – **Что за вздор!** – отвечал батюшка нахмураясь»* (А.С. Пушкин, «Капитанская дочка»); *«Командующий придет, с улыбкой сказал командир. – **Да ну-у?** – весь просияв и на мгновение забыв даже боль зуба, сказал начальник штаба»* (А.А. Фадеев, «Молодая Гвардия»);

2) жесты, поза: *«Кого ты подозреваешь, Андрей? – Разметнов поднял плечи и медленно развёл руками. – **Чума его знает!**»* (М.А. Шолохов, «Поднятая целина»);

3) темп, тембр голоса, интонация: *А теперь уж, я думаю, никого из них в живых нет. – **Ой ты-ы...** – в ужасе прошептала Надя»* (А.А.Фадеев, «Молодая Гвардия»).

Как считает Г.Г. Матвеева, наибольший прагматический эффект достигается при комплексном функционировании невербальных средств: *«– Дай мне ее! – Я сам отнесу! **Но!** – крикнула дама на меня, как на лошадь, и топнула ногою о ступень крыльца»* (М. Горький, «В людях») [Матвеева 1984: 103].

Феномен речевых стратегий и тактик обусловлен самой сущностью языка, его коммуникативной функцией. Функционирование любого свернутого суждения определяется двумя базовыми принципами, лежащими в основе языковой компетенции: целевой установкой говорящего и коммуникативным подтекстом, мотивирующим тактический выбор. Тот

факт, что стратегия связана с достижением какой-либо цели, предполагает ее связь с воздействием на партнера: его оценки, желания, представления, предрасположенности, установки. Нечленимые предложения, относящиеся к аффективному, эмоционально-оценочному синтаксису, являются ярким свидетельством применения коммуникативных стратегий.

Выбор говорящим нечленимого модально-ответного предложения в качестве средства реализации коммуникативной интенции значительно усиливает прагматический эффект высказывания [Золотова 1962: 66]:

«Афанасий. Одну четверку он имеет? Имеет. Получит вторую – все. Поворот от ворот, верхняя полка, – здравствуй, мам.

*Катя. **Типун тебе на язык!***

Афанасий. Хоть два под язык, только бы все обошлось. Мало ему тут мороки, так еще Галина на него глаза пялит.

*Катя. **Что ты!**» (В. Розов, «– В добрый час! Гнездо глухаря»).*

Мы согласны с мнением Л.И. Величко о том, что использование нечленимых предложений обусловлено стремлением к непосредственной, лаконичной, эмоционально насыщенной реакции. Принципиально важным в отношении к нечленимым предложениям является фактор антропоцентризма.

Представляя собой реакцию на факты объективной действительности, выражая отношение говорящего к адресату или к сообщаемой информации и эксплицируя языковые особенности картины мира, запечатленной в сознании говорящего и отраженной в его речи, нечленимые предложения являются важным функционально-коммуникативным компонентом языковой картины мира человека. Наряду с паремическими и фразеологическими единицами нечленимые предложения выражают самобытность языковой картины мира и являются продуктивным средством её языковой репрезентации. Свернутое суждение вследствие своего субъективного характера, эмоциональности, экспрессивности способны эксплицировать особенности этнической языковой картины мира в целом, её диалектной разновидности, а также

характерные черты индивидуальной языковой картины мира [Величко 2000: 89].

Вместе с трансформацией простого предложения как одной из основных синтаксических единиц происходят изменения и на других уровнях синтаксиса – сложного синтаксического целого, контекста, текста. Среди них также отмечаются новые образования. Наиболее активно они дают о себе знать в XIX и особенно в XX веке. К этому времени, как отмечает М.В. Панов, «...Некоторые грамматические формы оказались перегружены значениями. Естественно, что в языке были использованы способы их разгрузки от чрезмерного полисемантизма. Возможным оказалось перераспределение значений, такое их размежевание по разным грамматическим формам, которое уменьшает семантическую перегруженность отдельных форм; особенно если одна из перегруженных форм имела значения, свойственные другой форме» [Панов 1968: 15].

Это одна из многих причин возникновения новых синтаксических явлений и, в частности нечленимых предложений. Другая причина обусловлена избытком информации, стремлением передать максимальное количество информации, используя для этого минимум языковых средств. Как утверждает Т.М. Николаева, развитие языка, действительно, происходит по пути увеличения количества передаваемой информации в единицу времени. Синтаксические конструкции формально упрощаются, одновременно усложняясь содержательно. «...Требование краткости побуждает искать слова, которые могли бы заменить целые словосочетания. Структурные схемы предложений, утвердившиеся в языке, подвергаются изменениям до такой степени, что одно слово может выполнять функцию предложения» [Николаева 1978: 113].

Широко используются построения с расчленённой подачей информации, т.е. сегментированные конструкции, а также присоединительные, прерванные, парцелированные, нечленимые синтаксические структуры и т.д., например: « – Подойти к ним?.. **Ни** за

что! – сверкнуло у меня в голове. – Я не подойду к ним ни за что на свете!» (И.С. Тургенев, «Ася»).

Появление особых коммуникативных единиц языка происходит в условиях устной речи благодаря действию некоторых универсальных принципов организации устного высказывания. При этом результаты функционирования этих принципов могут оказаться неодинаковыми. Так, действие принципа отсутствия предварительного обдумывания влечёт за собой на синтаксическом уровне диаметрально противоположные результаты. Оно обуславливает продуцирование в речи построений, с одной стороны, с немотивированной, неясной синтаксической организацией, слабооформленных, с другой – устойчивых, автоматически воспроизводимых в речи в виде готовых форм (к последним относятся и нечленимые предложения) [Арутюнова 1976: 265].

Вторая тенденция является ведущей, т.к. речевая деятельность человека строится преимущественно на использовании готовых коммуникативных единиц. «...Формируя высказывание, мы обязательно прибегаем к схемам, шаблонам, клише. А без овладения жанроворолевыми стереотипами общения, в которых языковые единицы достаточно прочно увязаны с типическими ситуациями, взаимодействие языковых личностей было бы затруднено» [Горелов 2001: 157].

Как высказывается по этому поводу И.Н. Горелов, «...Наше повседневное общение широко использует клишированные, стереотипные речевые блоки, которые обслуживают часто повторяющиеся коммуникативные ситуации. Встречаясь с другом, подругой, мы произносим: «Привет!», «Как дела!», «Как жизнь молодая?». В ответ слышим: «Привет!», «Все нормально!», «Жизнь бьет ключом!» и т.п. Подобные формулы, разумеется, не предполагают сложных перекодировок во внутренней речи с универсально-предметным кодом на вербальный код. Они всплывают в сознании говорящего по принципу «стимул - реакция». По ассоциативному принципу развивается и разговорный диалог между хорошо знакомыми

между собой собеседниками. Его движение обычно протекает путем «соскальзывания» с одной темы на другую. Участники общения здесь понимают обращенные к ним высказывания с полуслова, широко опираясь на общую ситуацию речи. В подобном типе коммуникации нет необходимости использования развернутых, грамматически правильных конструкций. Такая разновидность речи близка к речи внутренней» [Горелов 2001: 70].

Таким образом, нечленимые модально-ответные предложения – это речения, обязанные своим возникновением, с одной стороны, принципу автоматизма речи, когда они появляются в речевом потоке в условиях высокочастотных повторяющихся ситуаций (ситуативный сигнал, вызывающий их, также стандартен). В свою очередь, автоматизм речевого поведения человека (как и других видов поведения) обусловлен социальным фактором, связанным с боязнью человека остаться в изоляции [Лаптева 1976: 124].

С другой стороны – принципу экономии, когда высказывания различной протяжённости (как свободные, так и фразеологизированные) сворачиваются (кодируются) до формул минимального размера, выражающих их категориальное значение. Принцип «Экономии языковой работы» является ведущим фактором при организации устно-разговорной формы речи. Он выступает причиной стандартизации речи, которая предполагает «ограничение разнообразия» [Матевосян 1997: 96].

Принцип языковой экономии был установлен И.А. Бодуэном де Куртенэ [Бодуэн д. Куртенэ 1963: 118] и разработан Е.Д. Поливановым [Поливанов 1931: 72]. Принцип экономии действует не только при формировании нечленимых предложений, но и при их дальнейшем функционировании. Это проявляется в линейном сокращении некоторых устойчивых выражений, например: *«До скорого!; Иди ты!; Что ты!»* и т.п. Существенное влияние на действие принципа экономии оказывают факторы, которые лежат вне сферы языка. Это, во-первых, особенности самого

субъекта речи, который стремится к максимальной эффективности речи, характеризующейся не только свойством точности, но и её производительностью, которая возможна при максимальном темпе, имеющем, однако, свои пределы, либо при кодировании членимых высказываний в более экономные, нечленимые единицы, являющиеся заместителями первых.

Во-вторых, значительная часть информации, относящейся к содержанию конкретного речевого акта, как правило, уже выражена в конситуации, что позволяет избегать её вербализации и тем самым экономить время и речевые усилия.

В-третьих, другая не менее внушительная часть информации имплицитно (неявно) присутствует в контексте речевого акта в форме различного рода пресуппозиций (общего фонда знаний о реальной действительности). Всё это даёт возможность существенно сократить расходование языковых средств в процессе коммуникации и время на их репрезентацию.

Таким образом, именно противоречие между потребностями адресата в эффективных средствах коммуникации и его ограниченными, неадекватными возможностями в сфере языка художественного текста стимулирует появление более экономных средств и единиц выражения человеческой мысли, к которым и относятся нечленимые модально-ответные предложения.

По справедливому утверждению Р.А. Будагова, противоречие между потребностями говорящих на данном языке и ресурсами языка, которое возникает в каждую историческую эпоху, вообще является основной причиной языкового развития. Направление разрешения подобных противоречий детерминировано характером самой языковой системы, позволяющей осуществлять подобные трансформации. В результате действия принципа экономии план выражения более экономной языковой единицы оказывается осложнённым за счёт невербализованной части соотносимой с ней развернутой синтаксической конструкции. Новое

синтаксическое построение становится информативно более напряжённым, что создаёт дополнительную специфику таких единиц и позволяет им приобретать новые свойства, обусловленные нестандартным для них соотношением формы и содержания. Действие линейно-динамического принципа, согласно которому информативные центры высказывания доносятся до слушателя раздельно, последовательно во времени, а наиболее информативно значимый центр высказывания стремится занять инициальное положение, в сфере специфических построений устно-разговорного синтаксиса оказывает влияние как на словорасположение, так и на сферу структурно-грамматическую, также обуславливая возникновение специфических нечленимых синтаксических моделей [Будагов 1965: 32].

На появление и функционирование предложений, формально и семантически нечленимых, влияет и принцип превалирования в разговорной речи семантического плана высказывания над формальным, который проявляется в построении подобных единиц синтаксиса по особым моделям языка, являющимся результатом распространения принципа актуального членения, семантического по своей сути, на всю область словорасположения. В дополнение к общим причинам, детерминирующим появление различных типов нечленимых предложений, необходимо отметить также специфические факторы, которые обуславливают рождение отдельных их разрядов. Так, появление нечленимых неноминативных предложений обусловлено прежде всего той формой мысли, которую они выражают – цельной, нерасчленяемой на отдельные понятия, но имплицитно (неявно) их предполагающей. Вообще наличие в языке синтаксических построений, различных по своему характеру, связано с особенностями выражаемой такими предложениями мысли, а отсюда и значения [Норман 1994: 60].

По мнению психологов, наше мышление оперирует как минимум двумя формами мысли: 1) конкретной, чётко структурированной, с определёнными границами и объемом содержания и 2) обобщённой, структурно нерасчлененной, с размытыми границами и неопределённым до

конца объёмом. Для выражения первой в языке существуют соответствующие синтаксические средства – членимые предложения. Вполне закономерным является стремление коммуникантов подобрать единицы языка, пригодные для выражения и нерасчленённой мысли, т.к. речь должна быть формально адекватной ее содержанию. Единицами, адекватными нечленимой мысли, являются нечленимые предложения, в частности нечленимые неноминативные предложения [Парамонов 2008: 56].

Такие структуры приобретают особое значение для русского языка и для его носителей, потому что, как справедливо утверждает А. Вежицкая, «...Русскому языку и культуре свойственна «иррациональность» (или «нерациональность») – в противоположность так называемому научному мнению, подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни» [Вежицкая 1996: 34].

Русскому человеку в большей степени свойственно образное мышление, тесно связанное с высокой степенью эмоционального накала разговорной речи особенно в устном её варианте. Этими внеязыковыми фактами может в какой-то степени быть объяснено широкое распространение в русском языке нечленимых предложений. Причин появления нерасчлененной мысли две: экономия (сокращение времени мыслительных операций, а также интеллектуальных усилий) и непонимание (поверхностное проникновение в предмет мысли либо из-за отсутствия времени, либо из-за недостатка требуемой для этого информации).

Таким образом, как нерасчлененная мысль базируется на расчлененной, логически из нее вытекает, так и нечленимые модально-ответные предложения основываются в конечном итоге на членимых. К собственно языковой причине появления нечленимых неноминативных предложений относится то, что они часто образуются из слов и семантически эквивалентных им фразеологизмов, не имеющих понятийного значения вообще и потому не способных функционировать в качестве членов

предложения, или из слов, утрачивающих номинативность при переосмыслении в речи в результате их употребления в качестве самостоятельного высказывания.

Ещё одна причина определяется характером семантики нечленимых неноминативных предложений, которая представляет собой модусную пропозицию. «...Общеизвестно, что модусные единицы сильно подвержены редукции. В каждый данный момент в любом языке представлены стандартные формулы выражения модуса, находящиеся на разных ступенях редукции» [Черемисина 1987: 35].

К причинам социально-психологического характера, кроме стереотипности ситуаций общения, относится еще целый набор факторов. Так, «...Люди, используя язык в своей общественной практике, по-разному относятся к языку, к одним и тем же языковым явлениям и, предпочитая одни, отвергают другие» [Швейцер 1978: 11].

Предпочтение, в свою очередь, порождает частотность, которая приводит к появлению речевого стереотипа. С другой стороны, частотность заметно усиливается благодаря наличию в языке готовых речевых произведений. Коммуникативная направленность языка вызывает потребность в стандарте, который является одним из принципов построения организованных социальных систем [Соковнин 1974: 105].

Все это, в свою очередь, свидетельствует о расширении сферы и границ языковой фразеологии, а также о потребности свернутых нечленимых суждений, т.е. нечленимых модально-ответных предложениях.

2.3 Языковые средства выражения субъективной модальности в художественном тексте

Говоря о субъективной модальности и средствах ее выражения в рамках художественного текста, исследователи обращаются к понятиям

«диктум» и «модус», введенным Ш. Балли. «...Диктум – объективная информация, модус – позиция субъекта речи по отношению к диктуму, рамка, интерпретатор диктума. Средства выражения субъективной модальности относят к модусной рамке высказывания» [Балли 1955: 218].

Одним из основных инструментов коммуникативной грамматики названо выявление позиции говорящего в отборе речевых ресурсов и организации текста. Модусная рамка, выражая отношение говорящего к диктуму, предполагает его наличие, характеризует субъект речи. Чтобы понять, чья точка зрения отражена в высказывании, необходимо обратиться к средствам выражения его модусной рамки, в число которых входят средства выражения субъективной модальности [Золотова 1998: 76].

Категория модальности, к которой относятся вводные конструкции, является центральной категорией, определяющей формирование концепции художественного произведения и специфику реализации языковой личности автора [Казаковская 1996: 54].

Субъективная модальность как выражение отношения говорящего к содержанию своей речи рассматривается как важнейший аспект текстообразования [Солганик 1984: 179].

Модальность как текстовая категория рассматривается в монографии И.Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования». Текстовая модальность проявляется в характеристике героев, в умозаклечениях, в актуализации отдельных частей текста [Гальперин 1981: 146].

Субъективная модальность выражается разнообразными языковыми средствами: интонацией, специальными синтаксическими конструкциями, словопорядком, повторением слов, сочетаниями знаменательных слов с частицами, с междометиями, вводными словами и сочетаниями слов, а также разнообразными комбинациями этих средств. Говоря о значениях субъективной модальности, Н.Ю. Шведова указывает на то, что их круг

очень широк, и сами эти значения не во всех случаях могут быть строго и однозначно определены [Шведова 1980: 385].

В сферу выразителей значений субъективной модальности не включаются модальные глаголы и предикативы (мочь, хотеть, следует, подобает, надо, нельзя и. т. д.) и глагольно-именные сочетания (иметь возможность). Со сферой субъективно-модальных значений их сближает то, что в их лексической семантике в большинстве случаев заключено значение личного, субъективного отношения к чему-либо [Шведова 1980:3 93]. Трофимова рассматривает их вместе с другими средствами выражения субъективной модальности [Трофимова 2004: 9].

Е.В. Падучева считает необоснованным исключение из сферы субъективной модальности наклонение, так как оно может выражать идею желания [Падучева 1996: 300].

Множественность значений субъективной модальности, по мнению Е.М. Вольф, отражает различные аспекты отношения говорящего к содержанию высказывания, все показатели субъективных модальностей так или иначе ограничивают круг пропозиций, которые с ними сочетаются. Эти ограничения определяются фоновыми знаниями или элементами прагматической ситуации, входящими в соответствующие модальные рамки: ценностной картиной мира, нормативной стереотипной картиной мира, отношением к интересам участников акта коммуникации и т. п. [Вольф 2003: 96].

Е.В. Падучева, говоря о языковых средствах, входящих в сферу субъективной модальности, указывает на следующее ограничение: отношение говорящего к высказыванию должно быть выражено неэксплицитно. Этому условию соответствуют, в первую очередь, вводные слова. Этим же условием подтверждается позиция в отношении модальных предикатов.

Вторая категория языковых элементов, соответствующая названному условию – средства выражения коммуникативного намерения (иллокутивные

показатели). Во второй группе говорящий, прежде всего, выступает как субъект речи, а в первой – как субъект сознания [Падучева 1996: 299].

Вводные слова, вводные сочетания слов и вводные предложения объединяются специфической и единственной для них функцией, противопоставляющей их всем другим классам слов и сближающей их с модальными частицами: они всегда так или иначе характеризуют сообщаемое с позиций говорящего, выражают отношение говорящего к сообщаемому [Шведова 1980: 412].

Так как вводные конструкции являются выразителями субъективной модальности, они оправдывают наличие нефактической информации в тексте: описание ментальных состояний и внутренних мотиваций.

Вводные компоненты как выразители точки зрения говорящего выполняют в тексте функцию сигнала переключения субъектных планов. Они отвечают за полифоничность текста, создаваемую взаимодействием разных точек зрения, вводя в авторскую речь «Чужое» слово там же. Вводные компоненты позволяют обнаружить точку зрения говорящего или отнести информацию к другой точке зрения, выявить источник «Чужого» слова [Пляскина 2001: 17].

Вводные конструкции позволяют повествователю вести скрытый диалог с читателем, показывают отношение повествователя к персонажам, выявляют авторскую позицию. Они значимы в художественной системе текста, так как способствуют актуализации авторского замысла, являются приемом создания образа автора. Помимо функционально-семантических характеристик вводных конструкций, существуют их классификации по происхождению. Такая классификация лексически и структурно ограничивает круг вводных конструкций. Таким образом их описывает А.А. Шахматов [Шахматов 1941: 272].

Среди выделяемых по значениям и функциям групп вводных конструкций не все основаны на выражении значений субъективной модальности. Так, Е.В. Падучева различает по значению оценочные и

метатекстовые вводные элементы. Оценочные вводные выражают оценку факта (к счастью), достоверности информации (безусловно, кажется), соответствия ожиданию (конечно, разумеется). Среди показателей достоверности различаются выражающие модус мнения (наверное, бесспорно и т. д.) и модус знания (восприятие: кажется, как будто). Метатекстовые вводные в своем толковании содержат глагол «Говорить» и по семантике предполагают говорящий субъект. То есть, их основная функция – указание на присутствие говорящего [Падучева 1996: 313].

Из выделяемых А.М. Пешковским разрядов вводных конструкций только первый основан на выражении субъективно-модальных значений. Это вводные, показывающие, как говорящий относится к той или иной мысли (конечно, вероятно, положим и др.). Два других разряда указывают на источник информации (показывающие, что говорящий считает высказанную мысль не своей, а чужой (мол, будто, де, по мнению и др.)) и на связь между высказываниями (выражающие отношение данной мысли к предыдущей или последующей (итак, коротко говоря, наконец и др.)) Последняя группа характеризуется как стоящая на рубеже между вводными словами и союзами. В классификацию вместе с вводными конструкциями попадают союзы, частицы (де, будто). [Пешковский 2001: 409].

В.В. Виноградов рассматривает значения и функции вводных как расширяющие круг модальных значений в сторону выражения разных логически- и эмоционально-оценочных значений и разных стилистических квалификаций речи. Их функции сводятся к следующим четырем разрядам: выражение разных оттенков отношения высказываемой мысли к действительности, ее достоверность, несомненность, истинность, сомнительность (верно, бесспорно, действительно и др.);

– обозначение стиля речи, ее экспрессии, ее источника (по словам кого-нибудь, по слухам, по мнению кого-нибудь и др.);

– обозначение чувства, переживания, с точки зрения которого оценивается сообщение или которым сопровождается выраженный в сообщении факт (к сожалению, к изумлению, к огорчению и т. п.);

– обозначение оценки сообщаемого факта с точки зрения общих категорий счастья, несчастья, беды и т. п. [Виноградов 1975: 68].

Н.С. Валгина при описании функций вводных конструкций определяет только одну группу как имеющую модальное значение: выразители оценки говорящим степени достоверности высказывания (конечно, возможно и др.). Другие функционально-семантические группы указывают на обычность совершаемого (как водится, бывает и др.), характеризуют способ выражения мысли (иными словами, так сказать и др.), содержат призыв к собеседнику (послушайте, согласитесь и др.), указывают на связь мыслей, последовательность изложения (наоборот, к тому же и др.), выражают эмоциональную оценку сообщаемого (к счастью, на беду и др.), указывают на экспрессивный характер высказывания (кроме шуток, между нами) [Валгина 2000: 85].

Н.Ю. Шведова, классифицируя вводные конструкции, делает акцент на их связи с высказыванием и объединяет вводные конструкции специфической и единственной для них функцией характеристики сообщаемого с позиций говорящего, выражения отношения говорящего к сообщаемому. Вводные конструкции делятся по субъективно-модальным значениям. К ним относятся значение акцентирования, подчеркивания, выделения в сочетании с усилением и с обращенностью к адресату с желанием привлечь внимание собеседника (представьте, вообразите, заметим, например и др.), выражение субъективного отношения, эмоциональных реакций, интеллектуальных оценок самого говорящего:

– радости, одобрения, положительной оценки (к счастью, что хорошо и др.); – сожаления, неодобрения, отрицательной оценки (к несчастью, к сожалению, к стыду, как на беду, увы и др.);

- удивления, недоумения (к удивлению кого-н., к изумлению, странно и др.);
- опасения (неровён час, чего доброго, не дай бог);
- оценки сообщаемого с точки зрения достоверности (наверное, надеюсь, думаю, кажется, видимо, может быть и др.);
- неопределенности (некоторым образом, в каком-то смысле);
- допущения (предположим, допустим, пожалуй, возможно и др.)

В ряде случаев общее эмоциональное отношение к сообщаемому выступает как недифференцированное, неопределенное (между нами говоря, признаюсь, в сущности говоря и др.); отношение к стилю, к манере речи, к характеру и способу изложения (лучше сказать, иначе говоря, грубо говоря, одним словом и др.); по разнообразным связям, отношениям и зависимостям, а также по месту в строе (кроме того, к тому же, притом, следовательно, во-первых, во-вторых, в-третьих и др.); по значению соответствия чему-нибудь (как водится, как всегда и др.); по значению независимости от чего-нибудь, противопоставленности (напротив, наоборот воля ваша и др.); по источнику, по отнесенности к автору речи (по слухам, по мнению кого-нибудь, как говорят, по-моему, по-твоему, как известно, по выражению кого-нибудь, говорят и др.); характеристика сообщаемого со стороны меры, степени или ограниченности чем-либо (по меньшей мере, по крайней мере, в той или иной степени, в значительной степени); характеристика по протеканию во времени, по отношению ко времени (случается, как это случается иногда и др.) [Шведова 1980: 315].

Таким образом, метатекстовые элементы, вводные с функцией привлечения внимания собеседника и вводные, показывающие связь между высказываниями или частями высказывания входят в число выразителей субъективной модальности.

С.Г. Ильенко различает группы вводных компонентов по функциям, которые формулируются на основе выражаемых значений субъективной модальности, и рассматривает выражение модальных значений достоверности/недостоверности, указание на источник информации,

выражение положительной или отрицательной оценки, установление контакта, комментарий к способу высказывания. Также исследователь говорит о группах вводных компонентов, различающихся по видам осложнения их основного значения: отношение говорящего к самому процессу коммуникации (ее актуализация, активизация внимания адресата: видите ли, позвольте); установление в высказывании смысловой иерархии (во-первых, наконец) [Ильенко 2009: 226].

Е.С. Скобликова различает вводные конструкции по выражаемой оценке содержания предложения. При этом только один из функционально-семантических разрядов выражает модальную оценку (уверенность или неуверенность: безусловно, видимо и т. д.). В другие разряды входят слова и сочетания слов, при помощи которых говорящий подчеркивает логические отношения между частями предложения или предложениями (итак, следовательно, во-первых и т. д.), выразители эмоционального отношения к сообщаемым фактам (к счастью и др.), указывающие на источник информации (по-моему и др.), контактоустанавливающие (видите ли и др.) [Скобликова 1979: 277].

Я.Г. Биренбаум, говоря о пространстве вводности, выделяет в нем как одну из сфер модальные слова. В нее также входят «Предложенческие наречия». Модальные слова определяются исследователем как «...Часть речи, категориальным значением которой является логико-оценочное отношение говорящего к высказываемой мысли с точки зрения степени ее достоверности». По отношению к степени достоверности высказывания выделяются 5 групп: уверенность/сомнение, предположение/потенциальная возможность, вероятность, очевидность, несомненность. Предложенческими наречиями называются элементы пространства вводности, передающие отношение участников коммуникации к содержанию сообщения, но не имеющие значения модальности. По отношению участников коммуникации к содержанию сообщения, то есть, с ориентацией на адресатно-адресантную структуру, выделяются следующие значения: категоричность, нереальность,

оценка благоприятности событий, оценка обычности, оценка формы изложения и многие другие [Биренбаум 1976: 63].

В.В. Бабайцева указывает на отсутствие единообразия вводных единиц по способам выражения, по значению, по строению. Общими дифференциальными признаками для них являются общее значение выражения субъективной модальности, модальные слова как доминанта способов выражения, выделение вводных единиц в устной речи интонацией. Исследователь выделяет следующие функционально-семантические группы вводных конструкций, объединяющим значением которых является общее значение субъективной модальности: уверенность (конечно, разумеется, правда, действительно, бесспорно и др.), неуверенность (наверное, кажется, очевидно, видно, возможно, верно, может быть, должно быть и др.), эмоциональная оценка (к счастью, к сожалению, известное дело и др.), источник сообщения (по слухам, по-моему, говорят и др.), отношения между частями высказывания (кстати, например, во-первых, следовательно и др.), оценка стиля высказывания (честно говоря, короче, другими словами и др.), степень обычности фактов (по обыкновению, бывает, как всегда и др.), привлечение внимания к сообщению (видишь (ли), представь и др.).

В.В. Бабайцева подчеркивает, что выделенные группы только условно объединяют вводные единицы, обладающие нередко сложной семантикой, в которой сочетается несколько значений [Бабайцева 1987: 162].

П.А. Лекант говорит об утрате вводными компонентами лексической конкретности и классифицирует их по характеру отвлеченного грамматического значения. По характеру данного значения ученый выделяет функции вводных конструкций и выделяет следующие функционально-семантические группы вводных компонентов:

- вводно-модальные: определяют степень достоверности высказывания (персуазивность);
- вводно-эмоциональные: выражают чувства, которые вызывает сообщаемое у говорящего или у других лиц;

- вводно-авторские: содержат указание на источник информации;
- вводно-обобщительные: обозначают степень обычности названного в предложении события (единичность, случайность или повторяемость, типичность);
- вводно-контактные: установление и поддержание коммуникативной связи говорящего и адресата. Привлечь внимание, убедить собеседника, самооценка речевой манеры;
- вводно-союзные: по семантике и функциям близки к союзам: передают порядок следования мыслей, их логические отношения [Лекант 2000: 215].

Подведем итог вышесказанному. Исследователи, классифицируя вводные конструкции, исходят из их значения и функций. Однако позиции в определении соотношенности значений и функций вводных конструкций с субъективно-модальными значениями различны. Бесспорно к выразителям субъективно-модальных значений относится только группа со значением оценки достоверности высказывания. Значения групп, выражающих логические отношения в высказывании, указывающих на источник информации, выполняющих контактоустанавливающую функцию, реже всего включаются в состав значений субъективной модальности. Кроме выражения субъективно-модального значения или другого значения своей функционально-семантической группы и указания на присутствие говорящего, группы вводных конструкций могут выполнять и другие функции в тексте.

Так, по В.В. Казаковской вводно-модальные компоненты, в первую очередь, определяются как способ выражения авторства, вербализации сферы модуса вероятностной оценки. Они отражают смену внутренней точки зрения говорящего и представляют его как носителя эпистемической (персуазивной) оценки. Проблема достоверности, по В.В. Казаковской, возникает в ситуациях припоминания, непосредственного чувственного

восприятия явления, о котором есть минимальные знания, при передаче чужой оценочной информации [Казаковская 1996: 87].

Также выделяются следующие «Неосновные» функции вводно-модальных слов. Это подчеркивание основных модальных значений при употреблении в одном высказывании (несомненно), экспликация отношений мотивирования (должно быть), акцентирование коммуникативного центра высказывания (очевидно).

Неосновными функциями выразителей проблематической достоверности являются выражение значения «Отвергаемое предположение»: «*Чем не жизнь? Не нужно бы, кажется, и умирать, но - увы! - случай стерег его*» (А.П. Чехов, «На кладбище»); достижение эффекта вежливости, исключение категоричности изложения, использование при номинативных затруднениях, авторефлексии, использование как прием «Речевой демагогии»: «*Я, может, своего разрешения на операцию не давал... Я иск, может, имею право предъявить*» (М.А. Булгаков, «Собачье сердце»).

Выразители категорической достоверности могут указывать на стереотипность и тривиальность сообщаемого, могут использоваться говорящим для отведения возможных сомнений собеседника, употребляться с целью воздействия на адресата.

Использование модальных слов, модально-ответных предложений в художественном тексте оправдывает введение нефактической информации, описание ментальных состояний, приписываемых живой и неживой природе (олицетворяющая функция), внутренних мотиваций и душевных состояний персонажей. Отражая точку зрения говорящего, модальные слова сигнализируют о переключении субъектных планов, выступают как усложнители субъектной структуры повествования.

М.В. Пляскина, подробно исследуя модальные слова с семантикой категорической достоверности и определяя их как полифункциональные единицы, выделяет следующие функции:

- авторизация, самоавторизация или указание на «Чужое слово», которая способствует оценке персонажа;
- экспликация особенностей языковой личности говорящего, информация одновременно о фрагменте действительности и фрагменте картины мира адресанта;
- функция выделения: маркируется важный фрагмент высказывания как метатекстовый элемент;
- изменение степени категоричности;
- выражение социальных смыслов (можно сделать выводы о понятных и бесспорных для присутствующих вещах);
- воздействие на адресата: установление и поддержание контакта, установление корпоративных отношений с собеседником (разделение взглядов), отведение возможных сомнений, уверение, побуждение, провокация к согласию (может, конечно), косвенное побуждение к поступку;
- экспрессивная функция (может возникать ирония от несоответствия норме говорящего) [Пляскина 2001: 14].

Е.С. Яковлева говорит об ограничении в использовании лексических показателей степени достоверности. Так, показатель достоверности может противоречить логико-синтаксической структуре предложения. Например, в контексте бытийных предложений: *«Наверное, жил-был доктор»*.

Употребимость некоторых модальных слов в высказываниях с объективным статусом, по Е.С. Яковлевой, свидетельствует об отсутствии в их значениях компонента «Степень достоверности» и актуализации другой функции. Например: *«Он со мной поздоровался. Я, естественно, ответил»* (актуализируется функция экспликации особенностей языковой личности говорящего). Вводно-эмоциональные компоненты выражают эмоциональное состояние и указывают на принадлежность говорящему эмоциональной оценки (к радости, к удивлению).

Вводно-контактные компоненты привлекают внимание адресата. Метатекстовые компоненты выражают авторские самооценки,

автокомментарии речевой деятельности субъекта речи, придают высказыванию экспрессивную окраску (откровенно говоря, по правде сказать), оценивают манеру речи (лучше сказать).

Вводно-обобщительные компоненты (как всегда) выражают оценку степени обычности ситуации высказывания и обнаруживают говорящего [Яковлева 2003: 131].

Также, по Б.Ю. Норману, в грамматике говорящего вводные конструкции могут выполнять дополнительную функцию заполнения естественных пауз хезитации (послушайте, во-первых, честно говоря, видите ли, в общем-то и т. д.) колебаний и сомнений при выборе языковых единиц. Определяющими оказываются такие функции вводных конструкций, как выражение степени уверенности и категоричности говорящего, выражение особенностей языковой личности говорящего, установление контакта с собеседником (провокация к согласию, косвенное побуждение к поступку).

Также вводные передают эмоциональное состояние говорящего (к сожалению, на беду) указывают на обычность и регулярность сообщаемого действия (как обычно) [Норман 1994: 76].

Таким образом, категория модальности тесно связана с категорией оценочности. Субъективная модальность входит в состав авторской модальности и участвует в формировании субъекта повествования, речевого воплощения образа автора в тексте. Состав средств выражения субъективной модальности является предметом дискуссии. Также спорным является разделение модальности на субъективную и объективную. Состав функционально-семантических групп вводных конструкций разнороден. Не ко всем группам относится функция выражения модальных значений.

Спорным является состав значений вводных, выражающих ту или иную оценку говорящим высказывания. Бесспорным оказывается включение в их число только показателей степени уверенности говорящего в достоверности высказывания. Так как эта группа выполняет и другие функции в высказывании и может при этом приобретать другие значения,

описанные в ряде работ как модальные (например, согласие/несогласие, желательность, выражение отношения), они также рассматриваются как выражение субъективной модальности.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

По мнению В.Ю. Меликян, по способу выражения нечленимые предложения можно разделить на следующие типы: модальные (модальные слова и перешедшие в них модальные частицы); эмоционально-модальные (междометия), утвердительно-отрицательные (да/нет); вокативные (обращения).

Среди неполных членимых предложений нечленимые модально-ответные предложения отличаются тем, что формами их выражения являются дополнительные синтаксические конструкции, не входящие в конструктивный состав предложения (предполагающий его деление на тему и рему), но способные имплицировать его содержание: модальные и междометные компоненты, модализированные частицы, слова да/нет, вокативы.

Именно противоречие между потребностями человека в эффективных средствах коммуникации и его ограниченными, неадекватными возможностями в сфере языка стимулирует появление более экономных средств и единиц выражения человеческой мысли, к которым и относятся нечленимые модально-ответные предложения.

На появление и функционирование предложений, формально и семантически нечленимых, влияет и принцип превалирования в разговорной речи семантического плана высказывания над формальным, который проявляется в построении подобных единиц синтаксиса по особым моделям языка, являющимся результатом распространения принципа актуального членения, семантического по своей сути, на всю область словорасположения.

Субъективная модальность выражается разнообразными языковыми средствами: интонацией, специальными синтаксическими конструкциями, словопорядком, повторением слов, сочетаниями знаменательных слов с частицами, с междометиями, вводными словами и сочетаниями слов, а также разнообразными комбинациями этих средств. Говоря о значениях

субъективной модальности, Н.Ю. Шведова указывает на то, что их круг очень широк, и сами эти значения не во всех случаях могут быть строго и однозначно определены.

Множественность значений субъективной модальности, по мнению Е.М. Вольф, отражает различные аспекты отношения говорящего к содержанию высказывания, все показатели субъективных модальностей так или иначе ограничивают круг пропозиций, которые с ними сочетаются. Эти ограничения определяются фоновыми знаниями или элементами прагматической ситуации, входящими в соответствующие модальные рамки: ценностной картиной мира, нормативной стереотипной картиной мира, отношением к интересам участников акта коммуникации и т. п..

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К одной из спорных, не решенных проблем синтаксиса относится вопрос о членимости и нечленимости предложений. В основе членимости предложения лежит возможность выделения в его структуре главных и второстепенных членов предложения как его структурно-семантических компонентов.

Двусоставным и односоставным членимым предложениям противопоставляется особый структурно-семантический тип нечленимых предложений, характеризующийся устойчивостью, воспроизводимостью, целостностью, неспособностью к распространению, привязанностью к контексту. Подобные единицы лишены грамматической формы; в них не выделяются члены предложения - ни главные, ни второстепенные.

Антропоцентрическая направленность современных лингвистических исследований привела специалистов к активному изучению категории модальности, модально-ответных предложений в художественном тексте. Это связано с недостаточным познанием, раскрытием в современной лингвистике данных терминов.

Модальность является универсальной категорией языка и обязательным конституирующим признаком любого высказывания. Каждое высказывание имеет пропозициональное содержание, в основе которого лежит акт предикации, т.е. соотнесения предмета мысли и его признака через утверждение или отрицание связи между ними, что в языке выражается категорией предикативности.

По словам Г.Ф. Мусаевой, категория модальности дифференцируется на два вида: объективную и субъективную. Объективная модальность является обязательным признаком любого высказывания, одной из категорий, формирующих предикативную единицу – предложение.

По А.А. Шахматову, субъективная модальность, то есть выражение отношения говорящего к сообщаемому, в отличие от объективной модальности, является факультативным признаком высказывания.

Модальные слова выражают субъективное отношение говорящего к высказываемой в предложении мысли.

Являясь средствами сохранения, накопления и передачи информации, модальные слова и частицы способны выполнять в предложении важную структурную функцию - формировать такой особый тип предложения, как модально-ответные.

По мнению Золотовой Г.А., модально-ответные предложения начинают играть более существенную роль в художественном тексте. Это явление в основном наблюдается в тех произведениях, где более или менее отчетливо просвечивает личность автора, его мироощущение, его вкусы и представления, а это уже проявление субъективно-оценочной модальности.

Художественный текст представляет собой словесное речевое произведение, сложный языковой знак, в котором реализуются языковые единицы всех уровней, от фонемы до предложения.

Модальность в художественных текстах рассматривается как коммуникативно-семантическая категория, выражающая субъективное, но базирующееся на объективных факторах, отношение автора к своему сообщению, проявляющееся как результат выбора предметов и явлений объективной действительности, качественной оценки текстовых объектов и способе отражения между явлениями в тексте.

Выбор говорящим нечленимого модально-ответного предложения в качестве средства реализации коммуникативной интенции значительно усиливает прагматический эффект высказывания.

Противоречие между потребностями адресата в эффективных средствах коммуникации и его ограниченными, неадекватными возможностями в сфере языка художественного текста стимулирует

появление более экономных средств и единиц выражения человеческой мысли, к которым и относятся нечленимые модально-ответные предложения.

Субъективная модальность выражается разнообразными языковыми средствами: интонацией, специальными синтаксическими конструкциями, словопорядком, повторением слов, сочетаниями знаменательных слов с частицами, с междометиями, вводными словами и сочетаниями слов, а также разнообразными комбинациями этих средств.

В художественном тексте модально-ответные предложения реализуется в характеристике героев, в своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в сентенциях, в умозаклучениях, в актуализации отдельных частей текста и в ряде других средств.

Благодаря разнообразным способам выражения модально-ответных предложений в художественном тексте, взаимодействуя и переплетаясь, они формируют общее ощущение, настроение восприятия текста, его эмоционально-психологическую окраску.

В качестве материала для исследования функционирования модально-ответных предложений в художественном тексте были взяты примеры из произведений русских писателей 19-20 вв.

Одним из самых общих выводов, к которым мы пришли, можно считать то, что фрагменты из художественных текстов данных писателей глубоко насыщены модально-ответными предложениями, в которых проявляются отношения героев, эмоциональные реакции и экспрессивные высказывания персонажей.

Следует отметить, что язык писателей 19-20 вв. отличается высокой степенью эмоциональности и экспрессивности. Речь героев, как правило, имеет все особенности разговорного стиля и даже просторечия.

Анализ, проведенный в нашем исследовании, показал, что среди неполных членимых предложений они отличаются тем, что формами их выражения являются дополнительные синтаксические конструкции, не входящие в конструктивный состав предложения (предполагающий его

деление на тему и рему), но способные имплицировать его содержание: модальные и междометные компоненты, модализированные частицы, слова да - нет, вокативы.

Таким образом, цель нашего магистерского диссертационного исследования достигнута, задачи решены, гипотеза (модально-ответные предложения как суть разговорной речи при воспроизведении в речи художественной остаются идентичными сами себе и приобретают новые качества) доказана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания / В.Г. Адмони. – Москва: Наука, 1994. – 189 с.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова – Москва: Наука, 1976. – 384 с.
3. Бабайцева В.В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация / В.В. Бабайцева – Москва: Просвещение, 2009 – 234 с.
4. Бабайцева В.В. Современный русский язык. Синтаксис. Пунктуация / В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов – Москва: Просвещение, 2007. – 456 с.
5. Бабайцева В.В. Русский язык: Теория: Учеб. для 5-9 кл. общеобразоват. учеб. заведений / В.В. Бабайцева, Л.Д. Чеснокова – 5-е изд. – Москва: Просвещение, 1999. – 200 с.
6. Базалина Е.Н. Художественный текст и модальность / Е.Н. Базалина // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону, 2000. № 7. – С. 75-76.
7. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – Москва: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
8. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис / В.А. Белошапкова. – Москва: Высшая школа, 2007. – 345 с.
9. Беляева Е.И. Функционально-семантическое поле модальности в английском и русском языках / Е.И. Беляева. – Воронеж: Наука, 1985. – 180 с.
10. Биренбаум Я.Г. Пространство вводности и придаточные предложения / Я.Г. Биренбаум. – Челябинск: ЧГПИ, 1976. – 118 с.
11. Бодуэн де Куртенэ И.А. Об отношении русского письма к русскому языку / И.А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. – Т. 2. – Москва: Изд-во АН СССР, 1963 (а). – С. 209-235.
12. Валгина Н.С. Современный русский язык. Пунктуация / Н.С. Валгина – Москва: Высшая школа, 2009. – 250 с.
13. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка / Н.С. Валгина. – Москва: Агар, 2000. – 416 с.

14. Ваулина С.С. Международная научная конференция «Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению» / С.С. Ваулина // Вопросы языкознания. – 2008. – № 5, 24 апр. – С. 155, 157.
15. Ваулина С.С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект) / С.С. Ваулина. – Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1993. – 71 с.
16. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – Москва: Русские словари, 1996. – С. 33-88.
17. Величко Л.И. Работа над текстом при изучении вводных слов / Л.И. Величко // РЯШ. 2000. – №6. – 89 с.
18. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. Исследования по русской грамматике / В.В. Виноградов. – Москва: Просвещение, 1975. – 216 с.
19. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения. Избранные труды: Исследования по русской грамматике / В.В. Виноградов. – Москва: Наука, 1975. – 340 с.
20. Виноградов В.В. О теории художественной речи / В.В. Виноградов. – Москва: Высшая школа, 1971. – 240 с.
21. Вольф, Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции / Е.М. Вольф // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. – Москва: Индрик, 2003. – С. 87-101.
22. Галеева, Н.Л. Параметры художественного текста и перевод / Н.Л. Галеева. – Тверь: ТГУ, 1999. – 154с.
23. Галкина-Федорук, Е.М. Безличные предложения в современном русском языке / Е.М. Галкина-Федорук. – Москва: Издательство МГУ, 1958. – 332 с.
24. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – Москва: Наука, 1981. – 138 с.
25. Глебова Е.Ф. Системный подход к процессу обучения синтаксису в средней школе / Е.Ф. Глебова. – Москва: МГПИ, 2010. – 145 с.

26. Горелов И.Н. Основы психолингвистики. Учебное пособие / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – Москва: Лабиринт, 2001. – 304 с.
27. Ермолаева Л.С. К вопросу о разграничении модальных слов и частиц / Л.С. Ермолаева // Иностранные языки в школе. – 1963. – №3. – С. 18-23.
28. Зайнуллин М.В. О сущности и границах языковой модальности / М.В. Зайнуллин. – Уфа: БГУ, 2000. – 292 с.
29. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – Москва: Наука, 1962. – 544 с.
30. Золотова Г.А. О модальности предложения в русском языке / Г.А. Золотова // Филологические науки. – 1962. – № 4. – С. 65-79.
31. Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка / С.Г. Ильенко. – Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. – 399 с.
32. Казаковская В.В. Способы выражения авторства в структуре предложения
[Текст]: автореф. дис. на соиск. уч. степ, канд. филол. н. / В.В. Казаковская. – Москва: Наука, 1996. – 21с.
33. Кустова, Г.И. Синтаксис современного русского языка: учеб. пособие для вузов / Г.И. Кустова, К.И. Мишина, В.А. Федосеев. – Москва: Академия, 2005. – 254 с.
34. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис / О.А. Лаптева. – Москва: Наука, 1976. – С.124.
35. Лекант П.А. Современный русский язык: Учеб. пособие / П.А. Лекант, Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков. – Москва: Дрофа, 2000. – 548 с.
36. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском литературном языке / П.А. Лекант. – Москва: Высшая школа, 1986. – 217 с.

37. Лосева Л.М. Как строится текст: Пособие для учителей / Л.М. Лосева; под ред. Г.Я. Солганика – Москва: Просвещение, 1980. – 96 с.
38. Лотман Ю.М. Структуры художественного текста / Ю.М. Лотман. – Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 1998. – С. 285.
39. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: Учеб для филолог. спец. вузов / В.А. Лукин. – Москва: Издательство «Ось-89», 1999. – 192 с.
40. Матвеева Г.Г. Актуализация прагматического аспекта художественного текста / Г.Г. Матвеева. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1984. – 132 с.
41. Матевосян Л.Б. Прагматический эффект нестандартного употребления стандартных высказываний / Л.Б. Матевосян // Филол. науки. – 1997. – №4. – С. 96.
42. Меликян В.Ю. Об основных типах нечленимых предложений в русском языке / В.Ю. Меликян // Филологические науки. – 2001. – № 6. – С. 79-89.
43. Мещеряков В.Н. К вопросу о модальности текста / В.Н. Мещеряков // Филологические науки. – 2001. – №4. – С. 99-105.
44. Михайлов, Н.Н. Художественный текст: структура и интерпретация: Учеб. Пособие к спецкурсу / Н.Н. Михайлов. – Москва: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1990. – 65 с.
45. Мусаева Г.Ф. Роль категории модальности в художественном тексте / Г.Ф. Мусаева. – Баку: Элиста, 2001. – 139 с.
46. Мухин Н.Ю. Вводные компоненты как средство выражения и установления авторства текста [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.филол.н. / Н.Ю. Мухин. – Екатеринбург: УГПУ, 2002. – 21 с.
47. Немец Г.П. Грамматические средства выражения модальности в русском языке / Г.П. Немец. – Харьков: Око, 2004. – 203 с.

48. Николаева Т.М. Лингвистика текста: современное состояние, синтаксис и перспективы / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс, 1978. – 479 с.
49. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ / Л.А. Новиков. – Москва: Русский язык, 1988. – 300с.
50. Новиков А.И. Семантика текста и формализация / А.И. Новиков. – Москва: Наука, 1983. – 216 с.
51. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего / Б.Ю. Норман. – Санкт-Петербург.: Изд-во СПбГУ, 1994. – С. 175-204.
52. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е.В. Падучева. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 300.
53. Панов М.В. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / М.В. Панов. – Москва: Наука, 1999. – 275 с.
54. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения / В.З. Панфилов. – Москва: Наука, 1977. – 204 с.
55. Парамонов Д.А. Мономодальные и полимодальные элементарные предикативные единицы в современном русском языке. / Д.А. Парамонов // Вопросы филологии. – 2008. – № 2. – С. 55-59.
56. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – Москва: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
57. Пляскина М.В. Модальные слова группы категорической достоверности: структурно-семантический и функциональный аспекты [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. / М.В. Пляскина. – Новосибирск: АГУ, 2001. – 18 с.
58. Поливанов Е.Д. Где лежат принципы языковой эволюции? / Е.Д. Поливанов // За марксистское языкознание. – Москва: Федерация, 1931. – 115 с.

59. Попова Е.А. Авторская модальность как средство выражения антропоцентричности текста [Текст]: Автореф. дис. канд. филол. Наук / Е.А. Попова. – Липецк: Искусство, 1996. – С. 62-68.
60. Постовалова М.В. Картина мира в жизнедеятельности человека / М.В. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – Москва: Наука, 1999. – С. 8-70.
61. Распопов И.П. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис / И.П. Распопов, А.М. Ломов. – Воронеж: ВГУ, 1984. – С. 267.
62. Рахманова Л.И. Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология / Л.И. Рахманова, В.Н. Суздальцева. – Москва: Аспект Пресс, 2006. – 464 с.
63. Розенталь Д.Э. Современный русский язык / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. – Москва: Айрис-пресс, 1997. – 448с.
64. Солодуб Ю.П. Теория и практика художественного перевода: Учеб.пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / Ю.П. Солодуб, Ф.Б. Альбрехт, А.Ю. Кузнецов. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 304с.
65. Скобликова Е.С. Синтаксис простого предложения / Е.С. Скобликова. – Москва: Просвещение, 1979. – С. 276-278.
66. Снопкова С.И. Модальные и модально-экспрессивные значения отрицательной формы вопроса / С.И. Снопкова // Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. – Москва: Просвещение, 1973. – 302 с.
67. Соковнин В.М. О природе человеческого общения / В.М. Соковнин. – Фрунзе: Мектеп, 1974. – 146 с.
68. Солганик Г.Я. К проблеме модальности текста / Г.Я. Солганик // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. – Москва: Наука, 1984. – С. 173-186.
69. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Ю.А. Сорокин. – Москва: Наука, 1985. – 66 с.

70. Трофимова И.А. Средства выражения субъективной модальности в художественном тексте: На материале прозаических произведений А.П. Чехова [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. фил. н. / И.А. Трофимова. – Калининград: КГУ, 2004. – С. 9.
71. Туманова А.Б. Экспликация модусных смыслов в художественном дискурсе писателя-билингва. Монография / А.Б. Туманова. – Алматы: КазНТУ, 2006. – 209 с.
72. Ханзен Б. На полпути от словаря к грамматике: модальные вспомогательные слова в славянских языках / Б. Ханзен // Вопросы языкознания. – 2006. – № 2. – С. 68-84.
73. Черемисина М.И. Очерки по теории сложного предложения / М.И. Черемисина, Т.А. Колосова. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 35.
74. Шапиро А.Б. Модальность и предикативность как признаки предложения в современном русском языке / А.Б. Шапиро // Филологические науки. – 1958. – № 4. – С. 20- 25.
75. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – Москва: УПГ РСФСР, 1941. – С. 270-275.
76. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н.Ю. Шведова. – Москва: Изд. Академии наук СССР, 1960. – 378 с.
77. Шведова Н.Ю. Русская грамматика. Синтаксис / Н.Ю. Шведова, Н.Д. Арутюнова, А.В Бондарко. – Москва: Наука, 1980. – 710 с.
78. Швейцер А.Д. Введение в социолингвистику / А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский. – Москва: Высша школа, 1978. – С.11.
79. Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке / Д.Н Шмелев. – Москва: Наука, 1976. – 148 с.
80. Шмелев Д.Н. О синтаксической членимости предложения / Д.Н. Шмелев // Русский язык в школе. – 1965. – №2. – С. 12-16.
81. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – Москва: Изд. УПГ, 1957. – С. 113.

82. Яковлева Е.С. Согласование модусных характеристик в высказывании / Е.С. Яковлева // Логический анализ языка. – Москва: Индрик, 2003. – С. 129-146.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1.

Анализ программы по русскому языку к учебному комплексу для 5-9 классов В.В. Бабайцевой:

а) Структура программы:

Программа представлена в учебном комплексе: «Русский язык. Теория», «Русский язык. Практика», «Русская речь». В учебнике «Русский язык. Теория» излагаются сведения о русском языке, предназначенные для изучения в 5-9 классах. Основной принцип, определяющий содержание книги – системное изложение теории. Такой тип учебника способствует формированию учащихся познавательной самостоятельности, умений работать с учебной литературой, пользоваться разными видами чтения. Книга «Русский язык. Практика» (для каждого класса) обеспечивает усвоение учащимися знаний о языке. Особое и важное значение придается задачам, вызывающим активизацию познавательной деятельности учащихся, развивающим мышление, формирующим интерес к изучению родного языка и совершенствованию речи. Третий компонент учебного комплекса – «Русская речь» (для каждого класса) предлагает систему работы по развитию связной речи. Это способствует осознанному совершенствованию устной и письменной речи учащихся, повышению культуры речевого общения. Все компоненты учебного курса представляют единый учебник в трех частях.

Разделы программы имеют 2 рубрики:

определяется круг теоретических сведений и правил;

перечисляются соответствующие умения и навыки, которые должны быть сформированы на данной теоретической основе.

Выделяются программой вводный курс (обобщающий изученное в начальных классах и содержащий пропедевтический материал) и основной курс, в соответствии с которым уже в 5 классе (в полном объеме) изучаются разделы: «Фонетика», «Графика», «Лексика», «Морфемика» и начинается

основной курс морфологии. В 6 и 7 классах продолжается изучение морфологии, в 8 и 9 – изучается синтаксис, а также тема «Общие сведения о языке».

б) Сущность и значение объяснительной записки:

В объяснительной записке автор начинает разговор с роли русского языка в культуре русского народа. Как учебная дисциплина он имеет первостепенное значение. Перечисляются основные цели преподавания русского языка: формирование учащихся умения грамотно и полноценно использовать богатство языка в речевой практике, воспитание бережного отношения к языку, стремления к самосовершенствованию в области языковой подготовки и культуре речевого общения.

Цели:

1. Развивать речь учащихся.
2. Формировать и совершенствовать орфографические и пунктуационные умения и навыки.
3. Дать учащимся представление о роли языка в обществе, в мире; обеспечить усвоение определенного круга знаний, а также сформировать умения применять эти знания на практике.

В записке идет объяснение некоторых моментов. Например, автор говорит о том, что в программе использованы в основном традиционные для школы понятия и разделы, поэтому в процессе преподавания русского языка по учебному комплексу могут быть использованы различные дидактические материалы. Изучение всех разделов сопровождается формированием орфографических и пунктуационных навыков, нормами литературного языка.

Особенность программы – усилие практической направленности обучения нетрадиционную последовательность изучения некоторых грамматических тем, особенно в морфологии. После имени существительного изучается глагол (существительное и глагол – наиболее типичные средства в создании грамматической основы предложения), затем

имя прилагательное и имя числительное, тесно связанные с именем существительным (прилагательное обозначает признак предмета, а числительное – количество предметов и порядок их при счете). Потом изучается наречие, которое обычно примыкает к глаголу. В качестве особой группы выделены слова состояния (категория состояния). Изучение местоимения создает условия для повторения существительного, прилагательного, числительного и наречия.

в) Принцип распределения часов по разделам и темам: Принцип распределения часов обусловлен следующими особенностями программы: повторение проходит в конце года, в начале года проводятся вводные уроки, а в 5 классе выделяются вводный и основной курсы. 8 класс: Введение – 1 ч. Изучается большой раздел «Синтаксис и пунктуация» (66 ч.) В него входят: Введение – 3 ч. Словосочетания – 3 ч. Предложения – 3 ч. Главные члены предложения – 5 ч. Второстепенные члены предложения – 5 ч. Односоставные предложения членами – 10 ч. Предложения с обособленными членами – 18 ч. Предложения с модальными словами, словосочетаниями, обращениями – 9 ч. Повторение – 18 ч. Развитие связной речи – 17 ч.